

Международная конференция «Балтийского форума»

«НАСЛЕДИЕ СССР: В ЧЕМ ПРАВОПРЕЕМСТВЕННОСТЬ РОССИИ?»

27 февраля 2007 года
Ridzene Park Hotel, Рига, Латвия

Стенограмма

Янис Урбанович, президент «Балтийского форума»

«Мы открываем нашу конференцию. Как Вы видите, тема очень интересная. Очень надеюсь, что всем будет интересно слушать или ещё интересней предлагать идеи, что делать с этой темой. Мы, как организаторы, наметили грандиозные планы, считаем, что после того, как 17 лет назад перестал существовать СССР необходимо искать возможности и найти в истории причины для нахождения позитивного решения сегодняшнего дня, чтобы история была хорошей причиной не только политических, но и экономических позитивных решений. К сожалению, сегодня история причина различных ссор.

Игорь Юргенс, председатель Совета директоров, банк «Ренессанс капитал»; председатель Правления, Центр развития информационного общества (РИО-Центр) (Россия)

«Планы у нас на сегодня грандиозные и перспективы в целом положительные. Я, во-первых, хотел бы поблагодарить Балтийский форум и всех участников сегодняшней конференции за то, что Вы пришли на эту очень интересную тему. Я также хотел бы сказать, что с российской стороны мы приехали с наиболее опытными, выдающимися экспертами, специалистами по этой тематике, академиком Чубарьяном, директором Института всеобщей истории РАН, академиком Дынкиным, директором Института мировой экономики. У нас есть в зале и другие участники с российской стороны, которые будут готовы обсуждать эту не простую тематику.

Хотел бы в порядке введения сказать, что Россия, как правопреемник Советского Союза, формулировка не совсем точная. Если кто интересовался новейшей историей, теория перехода рода обязательств от СССР к России называется «континьютет», который имеет в истории ООН своё практической применение. Континьютет по взаимному договору сторон означал то, что мы берём на себя обязательства ядерной безопасности после распада Советского Союза, по его внешнему долгу, по соблюдению международных договоров, подписанных СССР. Вот этим и ограничивался континьютет и правопреемственность. За это Российская Федерация получала зарубежную собственность распавшейся страны, в связи с тем, что отвечала за их долги и получала место в Совете безопасности ООН. Ни одна из стран мира на том этапе из 174 членов ООН, кроме Украины, этот континьютет не подвергала никакому сомнению. Это, пожалуй, единственная признанная международная база правопреемственности России по отношению к СССР.

Вот в этой юридической рамке мы и будем обсуждать, что такое правопреемственность и что мы должны и не должны друг другу. Я думаю, что у нас не будет никаких табу, что под опытным руководством и председательством господина Клецкина мы все вопросы решим к концу дня. Спасибо».

Абрам Клецкин, профессор Латвийского университета, член правления «Балтийского форума»

«Хочу сказать, что может кому-то казаться, что это всё история, поскольку все быстро меняется, но, я думаю, что мы в ходе разговора выясним, что история очень живая и, как сказал академик Чубарьян, что мертвые пробуют держать живых. Поэтому очень важно перейти к этим вопросам и поговорить в новом формате. Особенно потому, что меняется эпоха, так или иначе все наши страны после советского времени, которые возрождались, некоторые появлялись заново, почти стабилизировались. Это означает, что люди больше не боятся думать о завтрашнем дне, а планируют завтрашний день. Это время, когда начинают принимать те ситуативные решения, не тактические решения, а стратегические, когда начинают думать, как строить будущее. Я думаю, что нам очень важно в этом плане посмотреть на историю, чтобы понять, что мы возьмём с собой, а что устарело и мешает нам. Я не думаю, что мы будем искать, кто виноват, а будем искать решения. Я уверен и попытаюсь показать и Вам, что в истории у каждого своя вина и своя правда. Я буду говорить о том, как это разделить.

Уже 16-й год на карте мира нет государства с названием Советский Союз. Но его наследие отнюдь не стало фактом истории. Основным правопреемником после его распада, как известно, объявила себя Россия, что не вызвало никаких возражений. С одной стороны, это позволило России оставить за собой постоянное место в Совете безопасности ООН и перенять под свой контроль все ядерное вооружение СССР, что юридически, да и фактически, закрепило за ней статус одного из главных игроков на поле мировой политики, во всяком случае, в области безопасности. С другой стороны, государства, возникшие или установившие свою независимость на развалинах Советского союза, были удовлетворены тем, что Россия одновременно приняла на себя все советские государственные долги. Государственная собственность СССР была поделена по географическому принципу. Все государственное имущество автоматически, т.е. без учета, переходило под юрисдикцию того государства, на территории которого оно оказалось. Это было удобно и выгодно всем, поскольку сужало до минимума вероятность на этой почве острых межгосударственных конфликтов.

...групп, так или иначе имевших в тот момент возможность брать на себя те или иные функции, ещё не сформировавшихся государственных структур, практически без контрольно по заговору между собой определяли дальнейшую судьбу, вдруг ставших как бы ничейными, имуществ. Таким образом, возникла богатая почва для постсоветского варианта первоначального накопления капитала дикого капитализма со всеми его последствиями. Можно сказать, что раздел шел не по договорённости, не по юридическим особенностям, а в большей степени шел по понятиям. Однако это не все наследие, а только наиболее лакомый его кусок.

Никак не был определен юридический статус, не защищены права миллионов, так называемых, русскоязычных жителей бывших советских республик, а в ряде случаев и права других национальных меньшинств.

До сих пор не нашли решения судьбы Нагорного Карабаха, Абхазии, Южной Осетии, Приднестровья. Не заключены договоры о границах ряда стран. Все это серьезные факторы, постоянно угрожающие стабильности на большей части постсоветского пространства и дающие богатую пищу для разного рода, зачастую, не самых благовидных политических игр, что серьезно подрывает возможности государств региона для решения насущных задач своего развития.

Самой безысходной частью советского наследия стало все, что связано с исторической ответственностью за судьбы отдельных людей, социальных слоев и целых народов, то, что чаще всего определяется, как преступление режима. Большинство государств-наследников от этой проблемы просто отмахнулись, их оккупировали, насильно присоединили, угнетали и т.д., а они страдали и мечтали об освобождении. О какой ответственности, тем более вине, может вообще идти речь, разве что, о наказании отдельных квадратионистов и все.

При этом сначала подразумевалось, а потом все громче стали утверждать в слух, что ответственность за все последствия преступления режима должна взять на себя Россия. Другими словами, все более настойчиво проводится идея, что СССР и Россия фактически одно государство, просто сменившее своё название. Такая позиция устраивает очень многих, как внутри этих стран, так и на международном уровне. Это часть нынешних элит, входивших в предыдущую верхушку. Для неё копанье в прошлом крайне не приятно. Но это и национально-озабоченные политические национальные круги, для которых имидж Россия-враг – обязательное условие выживания. Да и большинство обывателей греет миф, что во всех бедах виноваты чужие – русские, вообще пришлые, а свои все белые и пушистые, за исключением отдельных предателей, поскольку в семье не без урода.

Кроме того, отдаление от России новым правящим элитам, включая прежние правящие верхушки, представлялось необходимым для быстреего укрепления, свалившейся с неба, независимости и особенно утверждение ведущей роли тех, кто встал у ее руля, так сказать, суверенитет по беловежски, чтобы над ними никого, сами с усами.

Если же говорить о международном уровне, то там до сих пор хватает достаточно влиятельных кругов, для которых Холодная война все еще не кончилась и обуздание России – святое дело, тем более что это даёт возможность заодно прихватить, упавшего с советского воза, разного рода коврижки. Это ярко проявилось в том, что объявившейся победитель в Холодной войне – Запад, отнесся к России с куда меньшим сочувствием, чем в своё время к потерпевшей Германии. Ни о каком плане Маршала, о серьёзных усилиях сделать Россию частью мирового, считай, западного сообщества на практическом уровне не было и речи.

А из недавнего прошлого стоит только вспомнить, чем ответили США и Запад в целом на позицию России после 11 сентября 2001 года. Правда и новому старому российскому руководству копанье в российском прошлом также не к чему. Ему, как и всем другим, главным было объявить себя новым государством и тоже спраздновать день независимости, одновременно подчеркивая кровную связь с советской Россией, а не дружественное, как реальное, так и надуманное отношение со стороны Запада. Связанная с этим обида на него оказалась очень удобным аргументом для возрождения старых мифов о том, что Россия исконно окружена врагами и за всякой критикой ее политики и властей скрываются злобные происки. Это делает большинство общества глухим к попыткам реального анализа, происходящих в стране процессов, что в частности выразилось и в фонсмагиническом соединении в качестве главных символов новой России – царского двуглавого орла, государственного флага, временного правительства и подредактированного советского гимна.

Вышесказанное, конечно, только эскизно намечает, лишь некоторые из факторов привержены к современной ситуации, когда не существующее государство все ещё активно влияет как на внутреннюю и внешнюю политику всего постсоциалистического пространства, так и на мировую политику в целом. Этому, очевидно, должны посвящаться не тезисы, а серьёзные исследования.

Цель же данных заметок – обратить внимание на то, что влияние это отнюдь не конструктивное и мешает не только решать, но и хотя бы осознать подлинный размах и последствия сегодняшних угроз и вызовов. Более того, создаётся впечатление, что фантомные боли советского прошлого, даже лелеются и культивируются, чтобы скрыть от самих себя страх, вызываемый все более очевидным крахом надежд на установление устойчивого, ведущего к всеобщим процветаниям демократии и гуманного миропорядка, единственным препятствием для которого почитался сошедший с исторической арены советский монстр.

Двухполярный мир вместо того, чтобы стать, как ожидалось многими, прежде всего в США, однополярным, предсказуемым, все больше складывается во все более кровавый всемирный хаос. Всей мощи Запада оказывается не достаточно, чтобы справиться с афганскими талибами или кровавой междоусобицей в Ираке, призвать к порядку Северную Корею или Иран, не говоря уже о международном терроризме. И что еще опаснее по возможным последствиям, он даже не способен сплотиться перед лицом общих угроз.

Россия, при поддержке общественного мнения страны в этой ситуации, часто занимает позицию, которую было бы не справедливо определить словами «третий радующийся», но недвусмысленно, указывающую на дистанцированность по отношению к Западу. Такая позиция в значительной степени результат не преодоленных, как Запада, так и России, сугробов Холодной войны и советского прошлого. Но в стратегическом плане это чрезвычайно опасно для обеих сторон, поскольку Россия, хочет этого кто-либо или нет, исторически является неотъемлемой частью западной цивилизации в самом широком смысле и, в конечном счете, что касается судеб этих цивилизаций, не может не коснуться и судеб России.

Одна из моделей того, как работает фактор прошлого в современной политике – это ажиотаж вокруг подписания российско-латвийского договора о границе, в котором обе стороны с поразительным упорством отстаивают достаточно проблематичное историческое право на, по крупному счету, никому особенно не нужный клочок земли, несмотря на то, что это стало непреодолимым препятствием для решения вопросов по настоящему важных для настоящего, так и будущего дружно пестующих конфликтов сторон.

Речь в этих заметках не в коем случае не идёт о том, что прошлое надо забыть, как будто его не было, его нужно преодолеть, а для этого надо иметь мужество, увидеть его во всей реальной сложности и противоречии. Не забывать, что не вражда между народами, а тоталитарный характер советской власти определил жизнь людей, в большинстве случаев, в первую очередь, независимо от их национальной принадлежности, что из советского прошлого народа государств-наследников ушли совместными усилиями, в том числе и особенно России, поддерживая друг друга. В Латвии это официально отмечено награждением президента Ельцина государственной наградой. И этот опыт

заставляет взглянуть на дальнейшее развитие отношений, не снимая с себя и не перекидывая друг на друга свои доли ответственности за их нынешнее неудовлетворительное состояние. Думается, что этот опыт, опыт освобождения, опыт начала перестройки постсоветского пространства, самый главный для народа этого пространства, потому что он стал для них, в точном смысле этого слова, судьбоносным. Забывать его и тем более отворачиваться от него, значит забывать себя, отворачиваться от себя в тот момент своей биографии и истории, когда большинство живших в этой канувшей в лету стране и как индивиды, и как народы по праву ощущали себя наиболее свободными и достойными уважения. Если народы этого региона окажутся достойными себя конца 80-х - начала 90-х годов прошлого века, то они смогут стать одним из ключевых факторов выхода, из самого опасного в истории человечества, с которого в наши дни так стремительно скатывается мир. Спасибо».

Александр Чубарьян, директор Института всеобщей истории РАН, академик «Уважаемые коллеги, я, прежде всего, хотел выразить свою благодарность организаторам, которые пригласили нас на этот форум. Я первый раз участвую в этом форуме, хотя я бываю в Латвии почти каждые 2-3 года, работая в комиссии по международной истории, которая есть в Латвии. Но я очень рад, что могу здесь присутствовать, я очень много слышал о «Балтийском форуме» и готов внести свой скромный вклад в дискуссию, которая здесь идёт.

Надо сказать, что вообще проблема преемственности и правопреемственности, а я буду больше говорить о преемственности, это общемировая проблема, она связана с крахом империй, как правило. Во многих трудах нынешних историков, политологов очень тщательно изучается, как распадались Британская империя, Австро-венгерская, Османская. Это касается не только империй, но и крупных многонациональных государств, ярким примером чего является Югославия, уже в недавнем прошлом, ну и, конечно, опыт российской империи 17-го года и Советского Союза. Идут дискуссии, в какой мере Советский Союз подходит под типологию империй, которая сложилась в мировой и политической практике, но это вопрос уже другой. А мы сейчас говорим именно о распаде Советского Союза и о том, что произошло потом.

Должен сказать, что есть правовой аспект этой проблемы и есть политический аспект. О правовом аспекте предыдущий мой коллега уже говорил и я не являюсь большим специалистом по этому поводу, поэтому я хотел бы остановиться на политической стороне дела. Тем более, надо Вам сказать, что в центре многих дискуссий последних лет и применительно к странам Балтии и к Латвии в том числе, является политический аспект. Я помню, как несколько лет назад, когда я выступил с инициативой написания книги – сборника документов «Советский Союз и страны Балтии в 1930-1940 годы», убедил наших архивных работников как можно шире открыть наши архивы и как именно здесь, в Риге, я получил первый формальный отказ. Мне было сказано, что вначале Вы должны покаяться и признать свою ответственность и вину, а потом мы будем делать документы. Но я тогда сказал, что может быть документы, будут как раз такими, что этого не надо будет даже делать. Во всяком случае, такой политический флёр существовал и, к сожалению, продолжает существовать.

Вообще в истории сейчас есть такая дилемма, что важнее – покаяние или забвение. Это началось после известной истории с Германией и это тема не уходит из дискуссий, которые происходят на разных уровнях.

Я сразу хотел бы обозначить, что проблема преемственности или континуитета России и Советского Союза имеет ряд принципиальных черт. Во-первых, я должен сказать, что сегодня Россия по большинству параметров не подходит под сравнения с Советским Союзом. Во-первых, это совершенно другая территория, гораздо меньшая. Во-вторых, это государство с абсолютно иной социальной экономической структурой, с политической организацией общества, страна, которая встала на демократический путь. И в этом смысле проблема континуитета довольно сложная, многоплановое явление. Я хотел бы сказать, что прошлое всегда связано с настоящим, не бывает так, как бы не хотелось некоторым странам в постсоветском пространстве, сказать, что было и все это кончилось, начинается новая жизнь.

Я потом об этом скажу пару слов, а пока скажу только – а как же человеческий капитал? В общем-то, во всех странах, в том числе и в России, элиты остались. Очень многие представители элит из прошлого режима очень комфортно себя чувствуют и в современных условиях. Кстати, так было и в России, но есть и в других странах, в том числе и в Латвии. Они осуществляют эту связь прошлого и настоящего, тот самый человеческий континуитет.

Если же говорить о России, то по наиболее болезненным точкам Россия и законодательно и в политическом и моральном плане осудила те стороны жизни Советского Союза, которые вызывают сегодня наибольшую остроту среди историков разных стран. Мы осудили Сталинизм, как систему. Можно спорить, что такое тоталитаризм, есть многие разные типологии этого понятия, но у нас в стране совершенно очевидно существует консенсус большинства политических сил, что это было тоталитарное государство. Мы осудили всю систему политических репрессий, которая была свойственна старому времени. Мы осудили идеологический контроль, который был в обществе. Мы осудили нарушения прав человека. Поэтому мне очень странно. Когда идут разговоры, что мы берем преемственность от СССР. У нас не может быть преемственности ни с ГУЛАГом, ни со сталинской системой, ни с репрессиями. В России были осуждены такие явления, как депортации. Четыре дня назад в России был, так называемый, день скорби, когда отмечалась годовщина высылки народов Северного Кавказа. Так же были осуждены депортации в странах Балтии 1940-1941 года и в послевоенные годы. Надо сказать, что в той же мере, как были осуждены эти явления, как известно, наиболее такие одиозные вещи, как Хатынь, которая была осуждена. Я, кстати, был членом комиссии, которая разрабатывала эти вопросы, участвовал в обсуждении этой проблемы и на Верховном Совете. Мы абсолютно ясно сказали свою позицию по этому вопросу. Несмотря на очень многие разговоры, есть решение даже не парламента, а более широкого собрания, это съезд народных депутатов 1988 года, который осудил пакт Молотова-Риббентропа. Когда я ехал сюда, я ещё раз взглянул это постановление, даже сегодняшними глазами оно поразило меня своей жесткой формулировкой. Там не сказано только об осуждении, там сказано, что мы считаем не действительным пакт Молотова-Риббентропа с самого начала. Я говорю об этом, потому что отношение к прошлому было выраженное. Некоторые говорят, что это надо повторять каждые 3 года, но я думаю, что в политическом плане определенность в этом вопросе существует.

Надо сказать, что Советский Союз уже в период перестройки, когда уже была отменена структура Советского Союза, фактически дал зеленый свет объединению Германии. Не знаю, была бы объединенная Германия, если бы не наша позиция того времени. Точно также, совершенно очевидно, мы дали

зеленый свет преобразованиям Восточной Европы. И, наконец, мы сразу признали независимость государств, которые образовались на постсоветском пространстве. Это одна сторона вопроса, который, мне кажется, надо иметь в виду. Можно дискутировать, на сколько необходимо сегодня подтверждать эти вещи, но это уже дело историков и специалистов, которые занимаются этими сюжетами. Главное по этим вопросам продолжать диалог.

Ровно год с небольшим назад в Москве была большая международная конференция, которая называлась «Международный кризис 1939-1940 года», совместно с ЛУ. Весь спектр Ваших представителей присутствовал там, также были люди из Эстонии, Литвы, Германии, Польши и др. стран. Была свободная, очень откровенная дискуссия, в результате которой вышла книга, которую мы все совместно издали. Это пример диалога по такому острому вопросу.

Но есть и вторая сторона дела. Она состоит в том, что проблема наследства это не простой вопрос, от которого можно просто взять и отмахнуться. Все страны постсоветского пространства имели некое общее историческое прошлое. Я это называю периодом нашей общей истории. Дело же не ограничивалось только политической стороной дела, нарушениями законности, которые были. Во всех странах функционировала система науки, которая интернациональна, по сути. Я очень хорошо знаю на своем примере, я участвовал вместе с моими балтийскими коллегами во всех этих делах. Есть сфера образования, есть сфера культуры, есть сфера искусства. В общем, это было совместное существование, совместное функционирование и я бы сказал, с большими дивидендами успеха, не только тогдашнего Советского Союза в целом или для России внутри Советского Союза, но и для всех, так называемых, национальных советских республик. Это то самое прошлое, тот самый континент, от которого бессмысленно уходить, потому что он существовал.

Я никогда не забуду конную полицию, которая была в Москве, которая обеспечивала порядок около музея изобразительных искусств имени Пушкина, когда великий эстонский деятель культуры и науки Юрий Лотман читал лекцию о пушкинской Пиковой даме. Не приходило в голову делить что-либо, Эстонию или Москву, это было некое общее дело и с равным отношением все относились друг к другу.

Я участвовал во множестве международных мировых конгрессах, где было правило, где представители и балтийских республик, все участвовали в этих дискуссиях, поездках абсолютно на равноправной основе. Я думаю, что это наследие, которое было, есть и о котором абсолютно нельзя забывать.

Два месяца назад в Вильнюсе мы создали комиссию историков России и Литвы. Кстати, не плохо бы иметь такую двухстороннюю комиссию и с Латвией, разговоры как-то проходили, но не кончились позитивно. И на открытии комиссии были представители литовской власти, заместитель председателя Сейма, и ректор Вильнюсского университета, выступая, сказал, что я хочу говорить по русский, не только из вежливости к нашим российским гостям, но и потому что я окончил Московский университет, это было счастливое время в моей жизни. И очень многие профессора учились в Москве, так же как всегда Россия относилась с интересом к профессуре Вильнюса, Риги или Тарту. Это тоже мировая практика.

Вы знаете, ведь когда распалась Британская империя, Индия, Пакистан, Бангладеш, никому не приходило в голову обвинять Англию за все грехи или

что-либо, они и по сей день и сразу продолжали с большим удовольствием учиться в Оксфорде и Кембридже. Вся интеллигенция этих стран формировалась на лучших образцах британской системы образования и науки. Поэтому, я думаю, что это такой большой пласт, который необходимо учитывать, когда мы говорим о нашей общей истории.

Третий момент, который у меня всегда вызывает удивление. Говорят об ответственности России за то, что творилось в Советском Союзе. Но позвольте, Россия была частью Советского Союза, но ведь были еще 14 республик, где по сталинским канонам и после сталинского времени во главе каждой республики стоял представитель местной национальности, где все было в руках местных национальных элит. И если говорить об ответственности, то ее надо делить. Я не хочу говорить, поскольку мы здесь в гостях, я скажу только, что у нас довольно острые дискуссии с украинскими нашими коллегами, скажем, по поводу голода начала 1930-х годов, но у нас же есть точные документы, кто это делал на украинской территории. Голод 1930-х годов, это, как нас пытаются уверить, какой-то национальный геноцид, это следствие сталинской коллективизации, совершенно очевидно. Но это делалось руками местного руководства, местных элит, в общем итоге, этого не отрицают наши украинские коллеги. Точно так же было и во всех странах, в том числе и в Латвии, Литве, Эстонии. Поэтому тут нужна определенная взвешенность и понимание этой ответственности.

У меня всегда вызывает некую иронию, когда я недавно был на одной дискуссии, где были мои коллеги из Грузии, которые говорили, что Москва занималась все время притеснением Грузии, особенно в советское время оккупации. Но я им сказал, что у нас некоторые считают, что Москва была оккупирована грузинами многие годы в лице товарища Сталина и товарища Берия, простите. Точно так же как украинцы подарили нам товарища Хрущева и товарища Брежнева. Я прекрасно помню, когда нам центральный комитет направлял линии, что большинство работников ЦК были представителями именно украинской национальности. Поэтому это сложный вопрос.

И повторяю, если мы говорим об ответственности, то не могут люди постоянно каяться. Тем более, я скажу, что я сказал моим коллегам здесь: «Но я то чего должен каяться? Я ни в чем не участвовал, почему я должен каяться за то, что делали в 30-е годы люди, которые тогда были у власти». Это вот такой существенный и важный аспект.

Я думаю, что в вопросах континюитета надо смотреть не назад, а надо смотреть вперед. Ведь сейчас родилось новое поколение. Сегодня здесь в зале студенты присутствуют. Я Вам скажу, что у нас уже есть наши школьники, которые кончают в этом году школу в России, то же самое у Вас, это уже люди, которые родились не в Советском Союзе, они уже родились в новой России или в новой Латвии, это новое поколение, которое имеет свою систему ценностей и мы должны рассказать им про историю в таком реальном виде, и чтобы она не формировала враждебных образов по отношению людей друг к другу.

В прошлом году мы проявили инициативу, пригласили директоров институтов истории стран СНГ в Москву для того, чтобы обсудить, как нам лучше делать учебники для средней школы, потому что с учебниками ситуация очень странная. Я в поезде прочел очень интересную статью, как дело обстоит с учебниками в Латвии. Довольно критическая была статья по поводу содержания школьных учебников, даже по истории Латвии. Но это общая

проблема, мы не довольны нашими учебниками. Значит, мы пригласили директоров, чтобы обменяться мнениями, не как писать историю Грузии, не как писать историю Латвии, а как писать те периоды, когда мы были вместе, наметить какой-то принципиальный подход, общий консенсус. Мы выделили несколько проблем и все приехали в Москву, и была очень интересная дискуссия. Украинский директор сказал, что во всех постсоветских странах, он посмотрел все учебники по нашей просьбе, идёт процесс национализации истории. Абсолютно точно. Таджикский директор добавил, суверенизация истории. Тоже совершенно точно. Я не сторонник вообще драматизировать и я стараюсь всегда понять другую сторону, потому что если идёт национальная самоидентификация, если все страны находятся в поисках самоидентичности, то это, в общем, неизбежный процесс.

Когда-то в Киеве очень крупный человек, один из руководителей Украины мне сказал: «У нас есть герб, флаг, гимн, но у нас нет концепции национальной истории». Я ответил, что это надо сделать, мы готовы участвовать, помогать с этим, но только при одном условии, не за счет России. Он спросил, что означает за счет России. Я ответил: «Ну, когда в центре Киева Вы поставили памятник княгине Ольги и написали, что это украинская княгиня, а она ведь была и русской княгиней тоже». Мы делали симпозиум «Гоголь в украинской и русской культуре». И это правильно, ведь он принадлежал и тем, и другим. То же самое касается и других государств. И вот начала работать эта ассоциация.

Я, пользуясь случаем, хотел бы сказать руководителям «Балтийского форума», мы с самого начала все высказались, и молдовы, и грузины, и Средняя Азия, чтобы привлечь страны, которые не входят в СНГ и мы даже можем трансформировать эту ассоциацию, в частности балтийские страны. В июне месяце будет следующее заседание, которое произойдет в Киеве, я приглашаю «Балтийский форум» проявить инициативу и чтобы приехали туда на очень открытую дискуссию по поводу учебников.

Мы начали выпускать международный журнал об историческом новом пространстве. Все написали свои статьи, и я буду очень рад, если получу статью и из наших республик, Литва уже дала свое согласие написать статью о состоянии исторических учебников в Литве, я буду рад, если и Латвия примет в этом деле участие.

И, наконец, мы сделали летнюю школу молодых историков. Это было в прошлом году. Это было совершенно эмоциональное фантастическое зрелище. Приехали по 40 человек из всех стран, молодые люди, первый раз в России, первый раз в Москве, две недели загорали, купались, слушали лекции, заводили романы, это было нормальное человеческое общение. Когда-то я мечтал создать такую же летнюю школу с нашими балтийскими коллегами, я думаю, что это тоже вещь, которую нужно всячески стимулировать и поддерживать.

Наконец, хотел бы сказать, что в мировой науке есть сейчас такое понятие «образ другого». Этим занимаются все, историки, политологи, социологи. Это очень важно, как люди смотрят в глаза другого. Украинцы немного сузили и сделали конференцию «Образ соседа». Он имеет специфику, сосед есть сосед. Если на другом континенте желаете иметь хорошие отношения, с соседом это просто не возможно не иметь нормальных отношений, просто нельзя жить, если Вы с соседом постоянно ссоритесь, это лишено здравого смысла. В этом смысле, я думаю, что эта проблема преемственности, мы все в долгу перед

нашим молодым поколением и надо сделать все, чтобы мы смогли формировать друг о друге позитивный образ, образ терпимости, толерантности в расовом отношении, в национальном отношении и во всяком другом. Это путь в будущее, все остальные - это путь тупиковый, путь в никуда. Это очень важная и существенная проблема, и я тоже призвал бы к тому, чтобы аспект, создавая реальные представления друг о друге. Когда-то Леон Фихтвангер, великий немецкий писатель, написал, что, несмотря на все старания ученых, факт потихоньку утрачивается, но остаются легенды. Давайте не будем следовать легендам, которые однажды кто-то пустил и так они и идут.

Последнее предложение. Когда я ехал в поезде я прочел выступление Вашего президента относительно роли фашизма. Я подумал, что вообще как некая мечта, а почему бы не сделать общий проект по этому сюжету. 60 лет назад было решение Нюрнбергского трибунала. Мы провели конференцию ровно 60 лет спустя, 1 ноября прошлого года. Приехали американские представители из фонда Диксона, были англичане, были из Израиля, были немцы, мы тогда решили, что можно продолжить эти круглые столы, объединять усилия. Обращаясь к прошлому. И вот читая о том, что здесь отношение к фашизму может быть выражено таким образом, думаю, что это тоже мог бы быть одним из проектов.

Я хотел бы закончить, сказав, что у нас много возможностей превратить проблему преемственности в преемственность добрососедства, преемственность нашей общей ответственности за то, чтобы и Латвия и Россия и все страны Балтии жили в условиях добрых нормальных отношений. Спасибо».

Абрам Клецкин:

«Спасибо, Александр Аганович. Я думаю, нам сейчас задали очень важный тон разговора, помимо содержания. Потому что есть ум и есть мудрость. Ум – это когда ты много знаешь и даешь другим, а мудрость – когда ты и знаешь много, но ещё и умеешь понять другого. И вот это в нашем разговоре, я думаю, главное.

Александр Дынкин, первый заместитель директора Института мировой экономики

«Прежде всего, мне бы хотелось отметить важность «Балтийского форума», потому что сегодня «Балтийский форум» превратился в основное содержание второго трека, т.е. отношение общественности, отношение экспертов между двумя странами. И чем сложнее первый трек – межгосударственные отношения, тем важнее, мне кажется, «Балтийский форум». На мой взгляд, это уже зрелый институт, который позволяет себе обсуждать достаточно сложные и чувственные проблемы.

С точки зрения правопреимственности, мне кажется, методически необходимо отделить то, что юридически зафиксировано, то, что признано Россией в документах правительства, в посланиях президента, от исторических, гуманитарных, политических аспектов, которые во многом связаны с партийными идеологиями, с Public Relations, с личными вкусами, личными отношениями.

А если говорить о юридической стороне, то здесь правопреимственность России зафиксирована по четырем направлениям. Первое, это членство в ООН и в Совете безопасности. 24 декабря 1991 года президент России направил послание генеральному секретарю ООН о том, что Россия будет продолжать

членство в ООН и в Совете безопасности. На основании заключения юридического департамента секретариата ООН и мнения основных стран-членов ООН, это положение было признано.

Вторая позиция, это преемственность России по международным договорам. В январе 1992 года министерство иностранных дел обратилось к главам всех представительств в Москве, где заявило о том, что Россия будет осуществлять права и выполнять обязательства, заключенные с СССР по международным договорам. Россия стала обязанной предоставлять гражданство всем гражданам бывшего СССР. Как Вы понимаете, в силу понятных обстоятельств, это положение не могло быть полностью выполнено.

Третья позиция – это участие России в международных соглашениях по ядерной безопасности. Эта тема касается четырех постсоветских государств, Украины, Белоруссии, Казахстана, России, она достаточно быстро и эффективно была решена.

И последняя тема – это правопреемственность по внешним долгам и активам. Здесь история такова. В октябре 1991 года комитет по оперативному управлению экономикой СССР, заключил с Парижским клубом соглашения о принципе солидарной ответственности, в соответствии с которым Россия брала на себя обязательства выплачивать долги в случае, если другие постсоветские страны от этих долгов откажутся. В декабре 1991 года произошло закрепление долей каждой бывшей республики СССР в этом общесоюзном долге. Это делалось на основании достаточно простых расчетов, которые учитывали долю каждой республики в экспорте, импорте, в национальном доходе и численности населения. В соответствии с этими расчетами на Россию приходилось 61% общесоюзного долга, на Украину – 16,4%, на Латвию – 1,1%. Наконец, в апреле 1993 года правительство России заявило о нулевом варианте в том, что Россия принимает весть долг на себя, это когда было не много - не мало 93 млрд. долларов в обмен на зарубежные активы. Это решение было достаточно не простым, потому что среди экспертного сообщества у нас сразу же появилась критика этого решения. Люди полагали, что зарубежная стоимость завышена. Существовало предположение о достаточно без проблемном ходе экономических реформ, о том, что темпы роста будут гораздо выше. Как мы знаем, это не оправдалось. Только в этом году Россия выйдет по объему ВВП на уровень России 1990 года. Говорили так же о том, что если бы Россия признала только часть долга СССР, то ее бы задолженность уменьшилась бы на 40 млрд. долларов. Кроме того, ещё одним направлением критики этого решения было то, что вплоть до конца 1993 года все поставки по связанным кредитам, которые были заключены с СССР, они продолжали поступать не только в России, но и в бывшие республики СССР.

Теперь я бы хотел поговорить о вещах, связанных с экономикой, поскольку мы слышали из стран Балтии некие финансовые оценки ущерба, естественно, мы вынуждены на это реагировать, хотя логика этих оценок не всегда понятна, не всегда справедлива, она, безусловно, будет оставаться вкусовой, но тем не менее. Со стороны Литвы эти претензии были впервые сформулированы в 2000 году. В Эстонии – 2002 году. В Латвии это было сделано в период празднования 60-летия победы во II Мировой Войне. Какова логика этих претензий, я и попытаюсь сформулировать свои ответы в той же самой логике.

Есть упреки в том, что странам Балтии была навязана центральная планируемая модель экономики. Мне кажется, что та же модель была навязана

и России. Эта позиция очень обсуждаема, кем она была навязана, об этом можно много говорить и вряд ли это, на мой взгляд, не справедливая претензия к России. Более того, очевидно, что в советский период страны Балтии были своего рода витриной советской модели развития. Я нашел даже цитату Алексея Косыгина, который был председателем правительства в то время. Он сказал следующее: «Страны Балтии выходят в лидеры по темпам экономического роста и по обеспечению, этот курс надо продолжать». Как реализовывалась эта модель развития? Мне кажется, здесь были два обстоятельства. Это, прежде всего, массивные капиталовложения, которые шли в страны Балтии и отличные от остальных республик СССР финансовые условия ведения хозяйства. Очевидно, что здесь была построена мощная транспортная инфраструктура, которая продолжает эффективно использоваться и сегодня. Скажем, за 1991-1993 год доходы только российского грузооборота в бюджете Латвии были 25%, Литвы – 20%, Эстонии – 17%, это ежегодные цифры.

О финансах. Важно отметить, что в странах Балтии не было коллективизации. В 1990 году 65% сельского хозяйства производилось частными и кооперативными хозяйствами. Эти цифры совершенно не сопоставимы с тем, что мы видели, скажем, в России, в Белоруссии, Украине. Как Вы понимаете, кооперативные хозяйства пользовались гораздо большей свободой с точки зрения ценообразования, распределения прибыли. Более того, в странах Балтии кооперативные предприятия позднее стали создаваться не только в сельском хозяйстве, но и в сфере транспорта, курортного обслуживания, торговли. Было специальное решение о том, что с 1955 года 50% дохода прибалтийских портов оставалось в распоряжении этих хозяйственных организаций. С 1966 года страны Балтии убедительно вышли на 1-ое место в СССР с точки зрения капитальных вложений, уровня пенсий и заработной платы. До прошлого года страны Балтии продолжали получать углеводороды по ценам, которые существенно отличались от европейских цен. И так далее. Т.е. если встать на чисто экономическую сторону этой проблемы, то, мне кажется, что здесь будет аргументация конфликтная. Более эффективно говорить о том, какие экономические возможности складываются сегодня. А сегодня принципиально важно для Латвии - это возможность создания новых рабочих мест, удержание молодёжи в Латвии. И этой точки зрения развитие транспортной инфраструктуры и некое повышение конкурентоспособности балтийских портов, сегодня, на мой взгляд, очевидны. Это связано с тем, что, готовясь к вступлению в ВТО, у нас существенно повысились тарифы на грузоперевозки и российские порты, в связи с этим, теряют конкурентоспособность по отношению к балтийским портам. Кроме того, очевидно, что Латвия должна воспользоваться ей, она пользуется теми проблемами, которые возникли в экономических отношениях России и Белоруссии, я имею в виду повышение тарифов на грузоперевозки, ужесточение транспортного контроля.

В Латвии сейчас есть, как мне кажется, большой шанс развить транспортную инфраструктуру, чем занимаются, создать новые пограничные переходы, построить дополнительную магистраль Терехова-Лудза, тем самым стимулировать экономический рост Латвии. Мне кажется, что это направление гораздо более плодотворно, чем подведение неких экономических балансов прошлого. Спасибо».

Абрам Клецкин:

«Спасибо, господин Дынкин. Получили мы исчерпывающую информацию. Но я думаю, есть одна неточность. В Прибалтике коллективизация была проведена и достаточно жестко. Я думаю, что самые большие массовые преследования связаны с коллективизацией, с массовой депортацией 1949 года, что переживается до сих пор, как, пожалуй, самое страшное преследование.

Александр Чубарьян:

«Я хотел бы сказать, что в вопросах коллективизации одна балтийская республика имела некоторые преимущества, это Литва. Сталин очень любил Снечкуса, который возглавлял Литву многие десятилетия. Литве он выбил у Сталина ослабить коллективизацию, систему, которая в гораздо меньшем объеме проводилась, чем в других странах».

Абик Элкин, журналист

«Уже здесь было много сказано, повторяться не буду. Скажу несколько слов о таком аспекте, как правопреемственность России по отношению к СССР понимают латвийские политические элиты. Хочу сказать, что вопрос правопреемственности, который сейчас обсуждают историки и политологи, стал вопросом внутренней политики Латвии на протяжении 16 лет. Эта тема не только муссируется, она стала базисом латвийской внутренней политики. Буквально менее месяца назад состоялись в парламенте Латвии совершенно беспрецедентные дебаты в новейшей истории в течение 11 часов подряд. Депутаты Сейма обсуждали эту же тему, только в чуть-чуть другом аспекте, это - действует ли Мирный договор 1920 года, который был заключен между Россией и Латвией. В связи с этим, как мы знаем, их привели к тупику с договором о границе. Что самое интересное, правящая партия, Народная партия и премьер Калвитис, пытались убедить своих оппонентов в том, в чем сами ещё недавно убеждали весь латвийский народ, что Мирный договор 1920 года действует и, в связи с этим, Латвия никак не может от него юридически отказаться. Т.е. теперь они заняли чуть другую позицию и пытаются сказать, что нам надо забыть о мирном договоре, нам надо двигаться дальше, нам надо подписать договор о границе. Т.е., по существу, мы сегодня видим, что правящая элита оказалась заложником той ситуации, которую сама создавала на протяжении последних лет. И, как мы видим, выход из этого исторического, политического похмелья весьма тяжелый, но он происходит, потому что Латвия сегодня близка к тому, чтобы подписать с Россией пограничный договор и подписание этого договора уже снимет все вопросы по Мирному договору. Но что интересно, что правящая элита пытается говорить о том, что, даже подписав новый пограничный договор, Мирный договор 1920 года действует. Т.е. речь идёт о том, что Латвия пытается сохранить возможность, потом в будущем виртуально, вести речь о каких-то компенсациях.

Хочу обратить внимание не ещё один факт. С прошлого года в Латвии решением правительства действует специальная правительственная комиссия по подсчету убытков от советской оккупации, в которую входят представительства всех министерств, а так же историки. С этой комиссией тоже весьма странная ситуация. С одной стороны, под давлением определенного общественного мнения и национальных партий эта комиссия была создана, с другой стороны, правительство оказалось заложником этой комиссии и не знает, что делать дальше. Выделены большие средства, комиссия исследует и что дальше? Куда деть эти подсчеты убытков? Оставить музею оккупации или предъявить России претензии? Стоит ли спорить из-за маленького клочка земли – Абрене? Дело в том, что латвийская политическая

элиты достаточно адекватные и понимают, что никакого передела границ и возвращения Абрене не будет. Во-первых, никто не будет создавать прецедента в Европе. Речь идет о том, что попытка заставить Россию косвенно юридически и с помощью разных деклараций признать действие Мирного договора и то, что она правопреемник, это возможность потом к ней предъявить материальные претензии. Речь идет именно о предъявлении материальных претензий, а не о том, чтобы перенять эту территорию у Пыталовского района.

Нужно сказать, что только в последнее время наступило какое-то прозрение и все поняли, что вопрос правопреемственности, возведенный в ранг внутренней политики, он по существу тормоз для развития Латвии, в том числе и экономического. Сейчас Латвия находится в таком положении, что ей срочно нужно искать рынки, повышать свою конкурентоспособность, потому что у нас катастрофический перевес импорта над экспортом, который уже достиг 100% ВВП и, очевидно, что искать рынки нужно по соседству, на Востоке, поскольку возможности экспортировать латвийский товар в ЕС тоже ограничены. Поэтому сейчас происходит выход из этого тупика, попытка выхода будет, как мы надеемся, в марте будет подписан пограничный договор и тогда, возможно, вопрос правопреемственности перейдет в историческую плоскость, а не в фактор внутренней политики. По крайней мере, мя надеемся, что спустя 16 лет прагматизм возьмет верх. Спасибо».

Игорь Юргенс:

«Спасибо большое. Я думаю, что это более заостренная тематика, обходить которую смысла не имеет и, безусловно, если во второй половине нашей дискуссии мы захотим и сможем разобрать и эти случаи, кто кому, что должен. Ведь Вы понимаете, хотя у российской внешней и внутренней политики есть свои аспекты и приоритеты и иногда наша общая история не относилась к ним, я имею в виду российско-латвийские отношения, тем не менее, ученые работают, архивы не горят. Я знаю группы людей, которые собирают, ещё после заявления Лансбергиса о чуть ли не 20 млрд. претензиях Литвы к России, встречные документы, которые могут стать встречными исками в случае совершенно неразумного развития событий. И поверьте, встречные иски во много раз превзойдут иски местных националистов. Но мы не об этом сегодня должны говорить, хотя полностью от этого отмахиваться не надо».

Виктор Калюжный, посол России в Латвии

«Дорогие друзья! Не высказаться по этой теме, наверно, нельзя, потому что она очень большая.

Первое, хотелось бы, чтобы сразу было понятно, здесь прозвучала позиция о том, что два государства доказывают свою правоту. Я хочу сказать, что Россия никому ничего не доказывает и доказывать не собирается, потому что эта тема пустая и, наверно, сегодня не надо о ней говорить.

Самое главное то, что произошло и, что мы имеем после развала СССР, это то, что мы не решили вопросы людей, граждан. Задача была одна, на мой взгляд, как можно быстрее отделиться, что в какой-то степени означает кому-то взять власть в руки и быстро начать делить. Это проблема не только Латвии, но это проблема и в целом России. Естественно, как можно быстрее принять собственную конституцию для того, чтобы, не дай Бог, проснуться утром и опять оказаться в структуре СССР. В этом и кроется основная ошибка этой скоротечности, которую сегодня мы пытаемся расхлебать.

Вопрос преемственности кому-то не важен, кому-то важен в этом отношении и от какой цифры отталкиваться, это тоже вопрос. 1920 год – может для Латвии это хорошо и выгодно, но если говорить о том, с кем они заключали договор, то можно сказать, если цинично подойти к этой ситуации, что заключали договор с несуществующим государством, которое силой свергло царя. Власть, правительство, начало братоубийственную войну и никто это государство не признавал, а Латвия с таким государством заключила договор и сегодня считает себя счастливой. Вместе с тем, в своей преемственности она запуталась уже окончательно, потому что я сам присутствовал то на 85-ой, то на 86-ой de jure, то на 15-ой de facto. Тогда хочется сказать, что Вы сами определитесь между собой, сколько Вы вообще существуете, потому что у каждого ведомства собственный счет существования. Поэтому хотелось бы, чтобы мы правильно понимали принцип преемственности, учитывая то, что в большинстве своем на территории СНГ ее воспринимают как выгодно кому-то. К сожалению, этот вирус проблемы охватил все ведущие страны Европы.

Что меня удивляет, среди сегодняшних слушателей в аудитории отсутствуют историки Латвии, которые сегодня переделывают фактическую историю с полной фантазией, вообще даже не интересуясь архивными практичными документами. Хотя мне приятно отметить, что здесь присутствуют депутаты Сейма. Я думаю, что им не безразлично послушать сегодняшнее мнение. Но мне бы хотелось, чтобы ведущие историки сегодня могли бы и послушать и поговорить с теми людьми, которые присутствуют здесь.

Почему я говорю про архив и важность архива. Не смотря на то, что одна из статей преемственности предусматривает допуск к архивам, вместе с тем, нет интереса к этим архивам, одни разговоры к интересу этого архива.

Лично я уже 1,5 года предлагаю Латвии создать совместную комиссию историков с Россией и для этого нужно только написать письмо в Россию. Вы думаете, написано? Нет. Латвия даже не может ответить на это предложение о создании комиссии. Возникает вопрос, почему этого не делает Россия? Объясню очень просто, в принципе для нас не существует этой проблемы, но если она существует в двухстороннем формате, этот вариант возможен, но Россия его видит на уровне академии наук, людей-специалистов, которые должны были заниматься этим делом, ну максимум, под патронажем министерств иностранных дел. Сегодня в Латвии этим делом занимается комиссия при президенте. Чтобы сохранить этот уровень и поднять другой уровень, надо было написать письмо президента президенту.

Я хотел бы объяснить эту ситуацию. Комиссия до сих пор не создана и в результате полная фантазия относительно тех исторических фактов, которые сегодня существуют, начинаю с учебников истории, по которым сегодня учатся дети.

И еще один пример, что комиссия необходима. На коротком отрезке времени руководитель латвийского архива побывала в Новосибирске и в Омске, она была допущена к архивным документам, ей показали то, что есть. Она приехала сюда, удивлялась и это звучало на страницах прессы, она увидела совершенно другое, чем то, о чем сегодня идет речь.

Да, было тяжелое время, да, было отношение, но отношение людей к людям было совершенно другое и даже власти были настроены по-другому. Поэтому удивляет в этом отношении позиция историков. У меня напрашивается один

вывод, что это выгодно, это не нужно, потому что уходит тема разговора. Тогда, конечно, можно сделать вывод, что у нас нет сегодня истории, у нас есть только историки. И очень жалко, что сегодня это трагедия для молодого поколения, поскольку историю мы знаем из учебников, которые пишут такие историки и как молодому человеку разобраться в этом отношении, когда в разных учебниках история написана по-разному. И это преподносится сегодня молодежи, это самое страшное, потому что большинство людей нашего поколения не понимают ту историю, которая есть на самом деле, творя несколько новые ее видения.

Поэтому хотелось бы, чтобы мы с историей определились, с ее базисного старта, о чем она будет основываться в своих двухсторонних разговорах. Либо на международном праве, либо на эмоциях. Если на праве, то это правильно. Нравятся нам многие аспекты этой истории, не нравятся, но точку можно поставить только, основываясь на международное право, а не на эмоции. Да, сложное было время 1940 года, но если мы говорим о праве, там были соответствующие документы того Сейма. Но ведь так же следующим поколениям можно будет оспаривать и документы нынешнего Сейма и так же предъявлять претензии сегодняшнему руководству Сейма Эмсису, как предъявляются претензии господину Ульманису, который якобы заставил принять подобное решение. Я думаю, что мы должны переходить к правовой оценке тех событий, которые есть, ибо эта необъективная интерпретация, которая сегодня есть по истории, создает сегодня проблемы и в международных отношениях.

Посмотрите, договор о границе, к чему он привел за 15 лет – полнейший дисбаланс в экономике, не смотря на то, что в сегодняшних СМИ звучит о том, что экономика самая лучшая в ЕС. Но нельзя экономику оценивать в цифрах, ее нужно оценивать в карманах. И когда мы переводим эту экономику в карманы, слёзы на глаза наворачиваются в этом отношении. Тогда зачем мы сегодня говорим совершенно о другом, как раз о том, о чем сказал Абики Элкин относительно дисбаланса. Зачем во всех статьях по экономике сплошной дисбаланс?

Перспектива. Пример, приветствие господина Примакова и последняя его фраза по оценке договора о границе, он в очередной раз сказал, что это, возможно, чистый лист двухсторонних отношений. Я хочу сказать, что такое перспектива хотя бы по одному направлению в цифрах, это транзит. Сегодня Латвия с точки зрения своего географического положения великолепная страна для транзита между Востоком и Западом. Представьте, что сегодня объём транзита составляет 170 тыс. контейнеров в год. Если решиться основная проблема взаимного понимания, это цифра возрастает до миллиона. Это дает возможность латвийским портам или Риги в целом стать вторым Роттердамом, ничего не делая, а только начать нормальные двухсторонние отношения.

Или другой пример, Вентспилс. С советский период транзитные объёмы были только в объеме одной нефти более 20 млн. тонн, сегодня ноль. Вот к чему мы пришли. И то, что мы сегодня не даем людям и объясняет эти все проблемы прошлого. Я думаю, что звучащие проблемы Холокоста, другие проблемы, это все проблемы исторического периода времени, которые существовали. Но и в России в это время не шиковали.

Поэтому, заканчивая, хочу сказать, что, конечно, самое простое и логичное, наверно, оставить все в прошлом и мы об этом не раз говорили. Давайте оставим прошлое, то, что мешает нам жить. Давайте развивать и строить

двухсторонние отношения в основном на взаимовыгодной основе добрососедства, потому, что Россия была, есть и будет этим добрым соседом, который отдаст последнее то, что нужно, потому что так делают соседи по площадке в жилом доме и об этом не надо забывать. Мне бы хотелось, чтобы здравый смысл, который сегодня в очередной раз звучит на этой конференции, лёг в основу и здоровой нашей перспективе, от этого выиграем мы все. Спасибо».

Абрам Клецкин:

«Спасибо, Виктор Иванович. Я думаю, что такая четкая постановка некой позиции очень помогает понять позиции остальных в разговоре».

Янис Плепс, редактор отдела юстиции журнала "Jurista Vārds"

«Смотря на эти проблемы, как юрист, могу сказать, что российско-латвийские исторические отношения не являются прошлым. В конституционный суд Латвии очень много приходит дел именно по этим вопросам и все дела, которые политически ошутимы, появляются в различной трактовке исторических событий. Мне кажется, что, говоря о последствиях в ходе развития этих событий, не надо забывать, что страны Балтии находятся немного в другой ситуации, нежели другие республики бывшего СССР. Поскольку, если остальные республики стали строить отношения с Россией с 1991 года, страны Балтии отошли немного назад. Страны Балтии решили не создавать новые государства, а возобновить те старые, которые существовали после Первой мировой войны и перед Второй мировой войной, в этом междувоенном периоде. Это решение и создало много проблем, поскольку сегодня мы не можем этим ограничиться, возобновив это государство, Латвия возобновила свою старую конституцию, которая была *de jure* в силе весь этот период. Поэтому у нас есть возможность любое постановление, которое выдвинула Латвийская ССР или любая другая власть, которая была на этой территории, оценивать относительно конституции. Это первое.

Второй вопрос – гражданство, обостренный вопрос неграждан. Так как ЛР возобновила свое государство, а не создало новое, возобновив государственность, возобновилось и гражданская целостность, которая *de jure* всегда существовала. У меня свидетельство о рождении Латвийской ССР, родился как гражданин СССР, но соответственно возобновленной идеи латвийского государства *de jure* с 1982 года я стал гражданином ЛР. И возобновив эту гражданскую целостность, возникли проблемы, что делать с теми, кто не принадлежал этой целостности. Конечно, здесь можно дискутировать, правильное ли решение было принято в 1991 году, но это решение выбрано, у неграждан есть возможность натурализоваться. В то время надеялись, что эта ситуация будет воспринята с пониманием. Эта ситуация такова, что возобновив государство гражданство автоматически дать не могли, была необходима очень большая политическая смелость, к сожалению, этой смелости не хватило, что печально.

Следующий момент – территория, договор о границе. Мы возобновили то государство, которое в 1940 году или добровольно присоединилось, или было присоединено к Советскому Союзу, это зависит от обстоятельств, но мы это государство возобновили. Мы возобновили конституцию 1922 года, в которой в третьем пункте определена государственная территория, такая, какая она была в 1922 году и сейчас с этим надо что-то делать. Я полностью согласен с господином Калюжным, что это не проблема России, что происходит с Латвией, это проблема Латвии. Но, на мой взгляд, если латыши приняли решение

возобновить государственность в 1991 году, то сейчас нам необходимо сохранить свое самоуважение, не сколько в отношении с Россией, а в отношении самим к себе. И ту проблему надо решать корректно правильно и уверенно. Мы государство, а не какая-то неофициальная группа, которая может эти вопросы решить по-другому, нам надо действовать согласно правам.

В выступлении господина Калужного прозвучала тема о различной интерпретации исторических событий. Скажем, например, Мирный договор 1920 года, Латвия заключила Мирный договор с Ленинской Россией того времени, которая признала Латвию независимым государством и отказалась от всех российских претензий к этой территории, в том числе и сегодняшнего региона Пыталова. В свою очередь Латвия, по-моему, одна из первых признала правительство Ленина, которое в праве говорить от лица России с этим Мирным договором. После этого Ленинская Россия трансформировалась в Советский Союз. Можно дискутировать сегодня о том, на сколько РФ переняла обязательства Советского Союза. Эта позиция ясна. Я не думаю, что нам надо обязательно поднимать вопрос о том, что нам необходимо Абрене, я очень сомневаюсь, что оно нам надо. Но так как Латвия возобновила свою независимость, эти проблемы ей надо решать соответственно со своими национальными правами.

Следующий момент, это то, что отличаются и правовые понятия. Особенно отличается понятие об общественном праве. Российские коллеги ссылаются на декларацию о правах человека, как на обязательный документ. Латвия, в этом случае, за эти 15 лет полностью переориентировалась на англосакские понятия об общественных отношениях.

Затрону ещё один вопрос. Вопрос о том, что страна, возобновив своё государство, возобновила и имущественное право. Если в бывших республиках СССР реформа имущества произошла таким образом, что сохранилась ситуация *de facto* распавшегося СССР, то в Латвии и других странах Балтии произошла имущественная реформа таким образом, что бывшие владельцы, которые эмигрировали, имели право претендовать на это имущество, они получали его, что вело за собой проблемы. Это опять же последствия сложной истории. Не возможно найти единственный правильный ответ.

Что касается Латвии, ей необходимо стоять на позиции возобновления независимости, мы не молодое государство, мы были созданы в 18 году, и нам удалось возобновить эту государственность. Поэтому, на мой взгляд, этой возобновленной позиции надо быть более понятной, так как и всем поступкам нужно быть понятными. Мы не можем игнорировать Советский Союз, мы не можем игнорировать тех людей, которые пришли на латвийскую территорию в тот период, как жертвы режимов Берия и Сталина, необходимы понятные решения. Мне кажется, что мы готовы для этих понятных решений.

Я хотел бы выделить один момент. Я был маленьким мальчиком, но очень хорошо помню, когда проходили дебаты о возобновлении независимости, были два лозунга. Говоря об основных лозунгах Атмоды «В пестолах, но свободные!» и «За нашу и вашу свободу!», отмечу, что первый утратил свою актуальность, а второй так и остался недостижимым. Элита, пришедшая к власти в 1990 году, изменила этому лозунгу, что породило многие сегодняшние проблемы. Спасибо».

Нил Муйжниекс, политолог

«Очень хорошо, что я выступаю сразу после господина Плепса, поскольку он один из редких юристов с латвийской стороны, а эти вопросы, хотим мы этого или нет, имеют политический характер. Особенно в Латвии они политизированы, они спорные в Латвии, они спорные в международных отношениях, они спорные и в Европе. В Латвии, как мы знаем, идёт разделение на русских и латышей. Соглашусь с господином Элкиным, что эти вопросы используются во внутривнутриполитической борьбе, думаю, что это происходит не только сейчас, это началось ещё во времена Атмоды.

Времена Атмоды можно смотреть через призму того, что в национальном движении были два течения. Первое – правовые фундаменталисты, второе – прагматичные реформисты. У каждого был логический, последовательный ответ на одни и те же вопросы, например, такие как, что принадлежит нации, какие территории, какая должна быть у нации политический «кузов», какими должны быть отношения с другими нациями и т.д. В одних вопросах одна сторона побеждала, другая нет, в других вопросах находили компромисс, жизнь заставляла. То же и касается Абрене. Признали, возобновили, но не можем, поэтому и осталось это Абрене. Эти споры продолжают всплывать, так как окончательный ответ на все вопросы не найден между этими двумя конкурирующими проектами.

Эти дискуссии меняются в Латвии, особенно тогда, когда мы встречаемся с коллегами в Европе, Северной Америке. Я думаю, что только из-за давления США мы стали серьёзно заниматься Холокостом, потому что это было условием для вступления в НАТО. Но не смотря на то, что давление в основном извне, я думаю, что какой-то внутренний эффект был.

Так же каждый год наша элита мучается с вопросом о 16 марта. Очень хотим одновременно быть и жертвами и героями, но не понимаем, что это не возможно. Каждый год наши европейские коллеги смотрят с большим опасением, что мы будем делать, как это будет происходить. Каждый год, думаю, и российские коллеги смотрят на то, как мы будем реагировать.

Что касается Абрене. Слушая господина Плепа, у меня возникла одна мысль. Честно будет, если мы не можем добиться от российской стороны компенсации для абренских владельцев за отобранное имущество, то пусть компенсацию выплатит Латвия. Это будет честно по отношению к этим людям.

Янис Плепс:

«Я сразу вставлю несколько слов по этому поводу. Это частично выполнено, так как когда была земельная реформа, тем владельцам, у которых в имуществе находилась земля на территории Абрене, была назначена компенсация в виде сертификатов. Они могли или обменять их на деньги, или приобрести имущество на любой свободной территории Латвии. Поэтому Латвия это в какой-то мере выполнила».

Нил Муйжниекс:

«Продолжу.

Что же влияет на наши отношения с Россией? Думаю, что мы ещё все смотрим на то, в какой мере представители российской элиты признали основу нашего государства. Поскольку, мы, выбрав непрерывную правовую доктрину, считаем ее как основу нашего государства. Не признают нашу основу государства,

возникает вопрос, а признают ли нашу государственность, каким образом, на каких основах. Мы смотрим не только в своём контексте, но и в какой мере российская элита переваривает историю СССР, так как это не повториться. Мы на это очень обращаем внимание и поэтому это влияет на атмосферу доверия или не доверия.

То, что было тогда, мы осуждаем, мы не виноваты, но мы чувствуем себя ответственными знать и осуждать. У нас отношение такое, что с нашей позиции это плохо, но мы, со стороны Латвии, можем мало, что сделать, чтобы повлиять на эти дебаты в России. Главное, что мы можем сделать, это оценить доброжелательные интересы и самим продолжать работу, чтобы помнить свою историю лучше, чтобы справиться с этой историей.

В заключение хочу напомнить слова, которые сказал господин Бауерс несколько месяцев назад в этом зале: «Будущее понятно, намного сложнее прогнозировать историю и прошлое». Спасибо».

Александр Чубарьян:

«Первая реплика у меня относительно выступления господина Муйжниекса. Он совершенно справедливо заметил, что здесь очень внимательно следят, как в России внутри оценивают те или иные события. Это не только в Латвии, это всюду. Но я хотел бы, чтобы здесь у нас было понимание этого дела. Я могу с полной очевидностью сказать, что у нас очень широкий спектр мнений внутри самой России. И мы считаем это признаком демократичного способа жизни и поэтому, если понимать это и как плюрализм и разные точки зрения, то тогда не будем братья за какое-то выступление какого-то деятеля, какого-то представителя партии и т.д. и потом оно преподносится как официальная позиция государства. Между прочим, это касается всего мира. Если все люди будут обращать внимание, что говорят разные люди в США, которые так любят в Латвии, или в других странах, но это не будет полной картиной всего дела. Например, в Германии есть очень популярный и известный человек как Эрик Нольте, он оправдывает Гитлера, его осудили многие университеты, но это спектр политической жизни, он существует и в демократическом государстве это есть. Поэтому не надо смотреть на Россию как на некое единообразие.

В России есть разные институты, разные деятели, весь вопрос в политической линии руководства. Здесь Вы не приведете никаких фактов, которые показывали бы, что у нас есть в руководстве попытка обелить Сталинскую систему, нет, этого 100% нет. Я хорошо знаю не только выступления нашего президента, но и неоднократно с ним лично беседовал, могу сказать с полной уверенностью Вам, что его позиция совершенно очевидна. Поэтому вопрос разных политических сил достаточно не простой и для нормального демократического государства.

Второе, что я хотел сказать. Я вообще не люблю заниматься критикой, особенно страны, куда я приехал. Вот господин посол сказал, что историков здесь нет. Но я хотел бы сказать ещё одну вещь. Я бываю здесь очень часто, у меня любят брать интервью, но у меня берут интервью только русскоязычные газеты и русскоязычное телевидение. Я никогда не слышал, чтобы здесь ко мне подошли бы из государственного телевидения и спросили бы мою точку зрения, хотя формально я даже член комиссии при президенте Латвии. Сегодня их здесь нет, это другой вопрос, это не моя компетенция. Но все же в этом есть для меня заангажированность СМИ. Россию все ругают за авторитаризм, но мы давно прошли это. Наше телевидение или радио, там будет абсолютно полный

спектр разных точек зрения. Но в Латвии такое отношение к точки зрения. Кажется это не хороший признак.

Что касается комиссии историков. У России сейчас есть комиссия историков с Украиной, которая очень хорошо действует, происходят очень острые дебаты, потому что, я считаю, что исторические вопросы надо обсуждать историкам и извлекать из этого политический капитал. Комиссия историков есть с Германией, с Францией по проблемам гражданского общества, есть комиссия с Австрией. Вот мы сделали недавно комиссию с Литвой. Министр образования Литвы написал письмо министру образования России, они обменялись письмами, после чего наш министр образования утвердил российскую часть комиссии, в Литве утвердили литовскую часть комиссии и мы начали функционировать.

И последнее. Наш посол сказал одну правильную вещь, что в наши тяжелые времена надо интересоваться и реакцией простых людей. Президент Эстонии в 40-м году был депортирован и умер в Сибири. Его могилу не могли найти, потом оказалось, что простая неграмотная санитарка в больнице, когда он скончался, тихонько похоронила его, ходила на могилу, приносила цветы. И когда после 1991 года была эстонская независимость, она была ещё жива, она приехала в Эстонию. Вот это пример отношений простых людей. Она не очень понимала его уровень, но она знала то, что это ссыльный из Эстонии, человек, который по тем меркам был «врагом народа». Я всегда призывал своих коллег изучать эти факты общения между людьми, между разными слоями населения, что очень показательно и полезно для продвижения. Это то, что в мировой науке называется история повседневной частной жизни. И мы со многими странами сотрудничаем в этой области, поэтому, думаю, и с Латвией было бы полезно это сотрудничество.

Кстати, я сейчас разговаривал с молодежью, которая присутствует в зале. Меня интересует эта проблема для России, но она, видимо, общая и здесь. Надо подумать, может надо создать какую-то совместную группу, как улучшить учебники по истории мира, по истории отдельных стран. Нас интересует, как российская история освещается в латвийских учебниках. Мне кажется, это было бы очень не плохо.

Илзе Островска, политолог

«Уважаемые дамы и господа! Мне бы хотелось поделиться с некоторыми своими наблюдениями, связанными с темой, которую мы сегодня обсуждаем.

Позволю себе начать с одного рассказа, который мне рассказал один очень богатый американский предприниматель, практически миллиардер. С ним произошел случай в Петербурге. Он шел по Невскому проспекту, внезапно его окружила толпа людей, после чего он остался без кошелька, без кредитных карт. Он направился в первый близлежащий милицейский участок и через 15 минут привели людей, которые были замечены в этой толпе. Все три стороны сидели рядом и думали, что же делать дальше, у каждой стороны свои интересы. Милиция показала ему кошелек с кредитками и попросила описать, что было ещё в этом кошельке. Он сказал, что кредитки все на месте, но там еще было 200 евро. Милицейский написал на бумаге 20 евро, он написал, нет, 200 евро. Но он сказал, что может согласиться, что там вообще не было наличных денег. На том и порешили. На этом все закончилось. А этот пример он рассказал для того, чтобы показать, что интересы всех сторон были удовлетворены. Те, кто были задержаны, были опущены, милиция заработала немного денег, а он остался со своими кредитными картами. Так сказать, все

стороны остались довольны. Но любой из Вас может возразить, что ведь он потерял 200 евро, но ему миллионеру потерять 200 евро означает то же самое, что потерять нашему пенсионеру 10 сантим. Самое главное в этой конкретной ситуации, что все интересы были консенсуально согласованны и удовлетворены. Я думаю, что. Решая сложные вопросы, исторические или вопросы нашего времени, именно этот аспект редко, когда учитывается. Это первое.

Второе. Из всей нашей сегодняшней дискуссии у меня сложилось впечатление, что, несмотря на возраст присутствующих, все были образованы в духе либеральной демократии или в духе философии и идеализма, а не материализма. Мы сначала говорим и думаем об идеи, как о первичном, но не о материальных вещах, которые, как мы знаем, определяют все. В этом смысле вряд ли стоит игнорировать этот аспект.

Сегодня, по-моему, весь наш разговор прозвучал таким образом, как уладим все дела исторической интерпретации, уладим вопросы международных отношений, уладим вопрос о том, что мы думаем друг о друге и будет лучше, если не будем выдвигать никаких претензий и тогда начнем говорить о материальных вещах, кто, чем будет торговать, экспортировать, импортировать и т.д. Существует цитата российских авторов классической книги: «Утром стулья, вечером деньги». Почему мы сегодняшний наш разговор строим так, что в результате реализуя «chicken game», есть такой термин в игровой теории, мы, в конце концов, останемся проигравшими с обеих сторон. В данный момент происходит так, что кто кого пересилит, тот и будет первичным фактором. В общем, этот принцип о том, что, по мнению латышской аудитории, отказаться от существующих гражданских политических условий, это самоубийство для латвийской политической элиты. У меня не вызывает сомнения, что со временем, по крайней мере на уровне самоуправлений, вопрос гражданства будет решен, но для этого необходима очень большая подготовка, надо изменить позицию латышской аудитории и необходим материальный подход.

До сих пор державы вопросы между собой решали следующим образом, если не акцептируем какая в стране политика, то один из эффективных приемов, это экономическая блокада этого государства. Меня удивляет то, что никогда ни одной державе не приходило в голову, скажем, дать бонус. У нас сейчас во время распродажи предлагаются различные бонусные цены и т.д. Я думаю, какой же эффект будет среди латвийских жителей, если, например, российские большие концерны объявят, что понижают газовые и нефтяные цены. Для России может быть это будут копейки, а вот эффект будет намного больше. Я понимаю, что похожего прецедента в истории никогда не было, поскольку обычно разговор сильных и больших с маленькими основывается на соловой позиции. Но все, что произошло в мире, когда-то было первый раз.

В связи с этим, мне хотелось бы сказать несколько слов о коммуникации. Совершенно справедливо сегодня академик Чубарьян затронул роль СМИ. У меня сложилось впечатление, что и наша политическая элита и наши СМИ разделились по политическим ориентациям, но не общество. Поэтому общество бросают как теннисный мяч с одной ориентации, я имею в виду ориентацию на США, на другую ориентацию, на ориентацию России. Но, по большому счету, большая часть общества, не смотря на национальность и гражданство, первично чувствуют себя как латвийские жители с латвийскими специфическими интересами. И мне жаль, что сегодня нет здесь представителей из США, поскольку у меня есть предложение державам подумать о маленьких государствах, об их интересах и это будет

свидетельствовать только о возможности этой державы решать вопросы конструктивно, консенсуально, учитывая интересы другого. По-моему, от этого будет большой результат. Спасибо».

Леонид Григорьев, президент фонда «Институт энергетики и финансов»
«По поводу предыдущего выступления я должен сказать, что для меня, как не для научного работника, а как для человека, проблема неграждан в Прибалтике – это моральная внутренняя проблема. Я считаю все это не порядочным и платить за порядочность, считаю не порядочно. Поэтому для меня, если бы какой-нибудь концерн у нас решил бы выкупить гражданство у граждан, это было бы позорище.

Но я экономист и вернусь к нашим экономическим делам. Во-первых, я бы хотел прокомментировать один момент с долгами СССР, который, на мой взгляд, игнорируется аналитиками. Дело не в деньгах, которые Россия приняла за 15 стран, а то, что она сняла с остальных 14 стран долги. Если бы в 1994 году Россия не гарантировала бы выплату долгов остальных стран, был бы мучительный процесс переговоров с кредиторами во всех 14 новых государствах, пришлось бы сверять банковские, суверенные, частные, кредитные долги, это безумная работа на несколько лет. 14 государств не смогли бы занять годами ни копейки из-за границы, ни на государственном, ни на частном уровне и экономический подъем в середине 90-х был бы совершенно другой. Поэтому основная услуга, которую Россия оказала постсоветским странам, не в том, что она выплатила деньги. В конечном итоге те деньги, которые мы сейчас выкупили, это политическая рента по нефти, произошло рециклирование – сначала мы получили эти деньги у Германии за нефть, а потом заплатили ей за долг. Но то, что мы расчистили, это огромная важность.

Второй момент, на котором мне хотелось бы остановиться, это проблема собственности. Я участвовал во всех тех ранних реформах и там был очень важный момент. Как повели себя прибалты первыми, все три, это именно реституция на 1940 год, это окончательно ликвидировала всякие шансы на реституцию в России вообще для всех. То, что реституция проводилась в Прибалтике на 40-й год, практически дала пример ограниченной реституции. Мы понимаем, что в 20-х годах шла национализация немецкой собственности в Прибалтике, но это дало пример, который исключил реституцию в России. Поэтому в нашей связи в этом плане наше влияние было очень большим.

Я напомним, что те, кто ездят в Вашингтон, погуляйте просто по улицам и смотрите под ноги. Время от времени Вы попадете на таблички. Это медные таблички, выглядят как совсем маленькое надгробье, на нем написана одна фраза, строчка из американской конституции, это то, с чем они восстали против англичан. Почему это стоит в Вашингтоне? Потому что этот округ не имеет представительства в конгрессе. Это практическая, политическая необходимость основателей США – создать округ, который не выбирают конгресс. Они до сих пор протестуют, налоги тратят, а представительства не имеют.

Существует масса вещей в мире, которые сложились политически по истории. Одна из проблем, которая меня сегодня удивила, это ссылка на англосаксонские документы. Я не понимаю, причем здесь англосаксонские документы, если Латвия вступила в ЕС. Англосаксонские документы – жизнь

совсем другая. И европейские правила, когда мы обсуждаем здешние проблемы, они тоже другие.

Теперь очень коротко о состоянии российского общества. Дело в том, что мы все время обращаемся к России, как к нечто громадному, грандиозному, монолитному и оно как-то себя ведет так или иначе. Но все же это страна, как всякая, там есть народ. Мы сделали переход от квазигилитарного к бразильскому обществу. У нас 20% населения более или менее прилично живут, сравнимо как живут здесь, а половина населения просто очень бедные. Перепады между регионами могут быть в 30 раз. У нас есть Сибирские республики или аграрные российские области, где уровень развития очень низкий. У нас колоссальные проблемы после кризиса. Мы сделали, как все другие постсоветские страны, тройную трансформацию, это другая политическая идеологическая система, это другая экономическая система и система собственности и это совершенно другая география. Первые радости демократии начала 90-х сменились таким тяжелым кризисом, которого здесь и не видели. Наш кризис закончился вторым крахом 1998-1999 годов и у нас экономический рост идет 7 лет. За 17 лет мало, что сделано в экономике, честно говоря, а мы стоим перед огромными задачами модернизации. Для нас энергетический экспорт это не политический инструмент, а средство получения денег для модернизации и для решения социальных проблем.

Я не думаю, что сейчас население, выкарабкивающегося из нищеты, как-то встающего на ноги, можно всерьез озадачить проблемами 60-80-и летней давности и спросить, не чувствуют ли они что-то по поводу других стран. Они ничего не чувствуют.

В этой связи я должен обратиться к опросу, сделанного фондом Горбачева. Вопрос – что важно для Вас и страны? На первом месте – алкоголизм и наркомания – для людей 31%, для страны 66%, второе место – инфляция, терроризм, преступность и т.д., на 17 и 18 месте стоит отношение со странами СНГ и положение России в мире.

Страна практически находится в состоянии иллюзионизма на массовом уровне. Опросы не показывают желание назад объединиться. Легко растрогать людей с российскими проблемами бездомных детей, здравоохранения, образовательной системы и т.д. Поэтому, если мы говорим о России и обращаемся к российскому обществу, вряд ли мы сможем обратиться к народу.

Если мы обращаемся к элите, то здесь есть определенные правовые вещи. Новая элита как-то реорганизовалась, она хочет быть влиятельной элитой большой страны, она занимает в этой ситуации правовую политику. Разговор элиты, это разговор между элитами, который вряд ли может в себя включить очень много сентиментов. Но остается интеллигенция, средний класс, который стал благополучно средним классом других стран и мои студенты уже преподают по всему миру. Можно сказать, что мы потеряли лучших людей, хотя много получили из СНГ, к нам переехали смешанные браки.

Тем самым, если говорить о состоянии российского общества, то я не вижу серьезных перспектив вступить с кем-то в масштабный диалог о 30-40-х годах. Я думаю, что если не появиться какого-нибудь серьезного анализа того времени, который можно читать, обсуждать, а не просто на эмоциях одной стороне сказать, что у Вас были непорядки и мы от этого пострадали, ну мы не возьмём на себя ответственность за те события, поскольку у нас в 30-40-е годы у каждой семьи по убитому и все мы жертвы того времени.

Мне сегодня очень нравится наша дискуссия. У меня предложение двигаться в сторону взаимопонимания и создания двухсторонних форматов для прояснения тех вопросов, которые каждая сторона хотела бы поставить. Спасибо».

Юрис Голдманис, декан Латвийской академии культуры

«Уважаемые коллеги! Во-первых, спасибо правлению «Балтийского форума» за возможность слышать здесь различные точки зрения, так как на самом деле происходит так, что информация о том, что происходит в российском обществе и в академической науке, в латвийской прессе отображается эпизодически, а в широких интернет-пространствах очень сложно ориентироваться.

Пользуясь возможностью участвовать в дискуссии и говорить о месте истории, как в наших двухсторонних отношениях, так и о месте истории в нашем внутреннем политическом дискурсе, мне кажется, что надо начать с того, что если мы посмотрим на историю отношений России и Латвии или на историю отношений России и другой страны, то история такова, что она нас и объединяет и разъединяет. Правильней было бы сказать не история, а интерпретация истории. Мы очень хорошо знаем, что в классическом определении западной нации особенно выделяется то, что в основе нации лежат общие мифы и общие воспоминания об истории. Поэтому не сама история, а эти общие воспоминания.

В последнее время на многих конференциях в Риге вспоминаются слова французского этнолога, что в основе нации также лежит и договоренность о том, что не надо помнить, вернее, не забыть, а не напоминать себе. В связи с этим, мне кажется, в этой дискуссии мы осознано не говорим об истории, как академической науке.

Если возникает вопрос о сегодняшней ситуации в Латвии, то ее очень хорошо показывают 18 толстых томов, изданных комиссией историков Латвии, в которых есть мнения, как российских историков, так и историков других стран. Эти тома выпущены и на английском и на латышском языке.

Правильно сказали здесь, что мы не говорим об истории, как об академической дисциплине. Фактически, мы не говорим об истории, как о части прошлого, которое мы не можем изменить, что понятно. Речь идет об истории, как рассказе об историческом сознании, которое является духовной основой нации. Мне кажется, что важно себе напомнить, что полные консенсус и согласие в этой области не возможны и приближение к этой договоренности и общему понятию об истории, очень длительный процесс. И вряд ли на это можно позитивно повлиять из вне. Точно нельзя. Поэтому в Латвии сегодня существует две интерпретации истории, которые предлагают латышские и русские медиа.

Я надеюсь, что ситуация в школах не настолько безнадежна. Если говорить о новых учебниках, которые одобрены министерством образования, в этих учебниках учitano то, что по ним будут учиться и на латышском, и на польском, русском, литовском. Но надо понимать, что абсолютно безнадежным являются нравоучения и диктовка, если это сделано осознано и провокационно. Это относится и к нашим наивным и необдуманным попыткам сказать, как России надо интерпретировать историю, все равно, будь то история СССР, Киевской Руси или Латвии. Это относится к тому, что мы, педагоги, будем остро реагировать, если нам будут диктовать, как надо учить либо истории Латвии, либо истории мира. Конечно, ведется дискуссия. Мы участвуем во многих

европейских институциях, где говорится о том, что нам надо совершенствовать учебники.

И еще о двух вещах - о ностальгии и фобиях. Да, возможно, у латышей существует комплекс нацменьшинства и виноваты, что не избавляемся от этого комплекса. Да, возможно, Латвия, ее политики, граждане с слишком большой осторожностью относятся к своей независимости, экономическому суверенитету. И мы действительно не хотели бы проснуться и оказаться в Советском Союзе, как сказал господин посол. Но в то же время ситуация такова, что мы очень внимательно следим за тем, что сказано и в какой интонации.

Мне очень жаль, что в дискуссиях об истории, в том числе и в парламенте, но особенно в прессе, мы очень остро выражаемся. Может быть, когда-то мы хотели просто поделиться своими переживаниями, своей мечтой, но мы никогда не думали, что это может обидеть других. Конечно, сегодня старания политиков, интеллектуалов, и здесь на «Балтийском форуме» в том числе, содействуют диалогу, все это приветствуется. Но мне кажется, что надо понимать, что это тяжелая неблагодарная работа. И можно было бы опустить руки, если бы речь шла только о межгосударственных отношениях или только о каких-то академических интересах. Проблема на сегодня такова и мы очень хорошо знаем, почему эти дискуссии у нас такие острые, потому что одна часть латвийского общества ассоциирует себя с историей соседнего государства, его культурой, интересами. И именно поэтому, очевидно, нам необходимо продолжать этот диалог и делать какие-то выводы. Спасибо».

Александр Васильев, директор Балтийского форума

«Мне бы хотелось, как одному из организаторов этой конференции немного приоткрыть внутреннюю кухню подготовки к конференции. Мы пошли по очень легкому пути. Мы вошли в один из поисковиков Интернета, набрали ключевые слова «наследие СССР», «правопреемственность», нажали клавишу и были уверены, что утонем в обилии информации по этому вопросу. Оказалось, нет, этой информации практически не было. Были какие-то разрозненные темы: вопрос о внутренней собственности, которую потом быстро распилили, вот ядерный чемоданчик передали, вот место в генеральной ассамблеи и т.д. когда мы попытались найти первоисточники, документы международных договоров, которые заключались, их оказалось трудно получить, даже с помощью наших партнеров в России. Когда мы обратились в поисках серьезных исследований этого времени, их, по существу, тоже не оказалось. И мы поняли, что наша конференция, это тема важна и для нас, и для России, потому что эта черта не проведена.

Дальше двигаться очень сложно, сегодняшняя дискуссия показывает, насколько тяжело ведется разговор. Черта не проведена и трогаться дальше очень сложно. Получается, что темы, которые были здесь названы американским словом, они отдельные, как бы части мозаики, которые соединяют каждую свою картину. Или как детский рисунок, когда капается несколько капель туши на листок бумаги, потом он складывается, раскрывается и получается узор. Этот узор очень любят показывать психологи своим пациентам и потом спрашивать, что вы видите здесь. Кто-то говорит, что видит бабочку, цветок, а кто-то с маниакальным взглядом говорит: «Я вижу кровь, кровь моих предков». Вот и здесь получается именно такая ситуация, что в наших блужданиях по пустыни нерешенных проблем исторической преемственности, вот то, о чем мы говорим, дело не в собственности, которую уже успели поделить, а в историческом наследии, о котором мы не договорили

и не решили, что дальше делать. Вот и возникает та ситуация, что каждый трактует эту историю так, как ему это выгодно. Пусть не обидятся на меня наши российские партнеры, но эта нерешенность, эта не подведенная черта, на наш взгляд, очень на них влияет.

Я хотел бы немного поспорить с уважаемым мною господином Григорьевым. Возможно, фонд Михаила Горбачева обладает действительно серьезными исследованиями, я не могу сейчас оспорить приоритеты вопросов по поводу, где находятся какие приоритеты в конкретных исследованиях. Но мы знакомимся с другими профессионалами, с центром Леваде, где говорят о тенденциях, о том, что Россия, как великая держава, как наследница СССР, как держава, которая должна иметь решающее значение в международных вопросах, как ее роль на постсоветском пространстве, количество людей, которые ее поддерживают, увеличивается, причем достаточно значительно. Мы прекрасно знаем, как с помощью СМИ, которые уже сейчас начинают легендарить прошлое, можно в течение очень короткого времени изменить ситуацию в обществе и показать ее совсем с другой стороны.

Тоже такие же суровые слова говорятся о моей родине - Латвии. Мы прекрасно знаем, что это наследие прошлого, Россия - враг, а русское общество является пятой колонной России здесь в Латвии, оно жизненное на всех последних 17 годах жизни. Не знаю, наверно Латвия уникальная страна, где на всем постсоветском пространстве не произошло смены «правые-левые». У нас всегда правые партии у власти. И старушка, которая живет на последние 5 лет пенсии 2-3 недели все равно идет и голосует за «правых», не зависимо от того, как они думают.

Я бы сказал еще о наших недоработках. Здесь нам сегодня не хватает третьей стороны, это европейские эксперты. Мы их приглашали, но они, к сожалению, не оказались готовыми к нам приехать, потому что они либо толком не знают о сложностях процесса, который происходит на постсоветском пространстве, либо принимают их очень формально, либо действуют схематическими средствами.

И последнее. Буду цитировать господина Григорьева до конца. Вчера он говорил, что ему легко говорить среди экспертов, но трудно говорить среди политиков. Я боюсь, что «Балтийскому форуму» придется очень сложно говорить и среди экспертов, историков. Политологов, но я думаю, что мы предпримем все свои силы для того, чтобы продолжить этот разговор и возможно дополнить его исследованием наших российских партнёров, латвийских исследователей и исследователей из Европы. Спасибо».

Виктор Калюжный:

«В продолжение в какой-то степени того, о чем сказал господин Григорьев, приведу один пример по Латвии, связанный с исторической болью, о которой мы все время говорим. Экс-министр интеграции Латвии Карина Петерсоне поехала в наш город Инту, это сокровищница того периода времени, где каждый дом, каждый забор напоминает о тех страшных событиях. Я с ней разговаривал перед отъездом, она ехала туда очень осторожно, потому что она знала, куда она попадает, что будут ей там говорить. Когда она от туда приехала, мы с ней общались. Она рассказывала, что она была удивлена и слезы были не у людей, которые живут в этом городе, а у нее, потому что она считала, что сейчас начнутся слезы, воспоминания, прошлое, а оказалось, что люди очень хорошо их встретили, танцевали, пели, плясали. И когда она не

выдержала и спросила, а как же у вас с прошлым, люди ей сказали, что у них сегодня впереди будущее, которое они должны обеспечить своим детям. Ее это шокировало в какой-то степени.

Поэтому, хочу сказать, что, несмотря на существующие проблемы, Россия строит свое будущее, тяжело, но строит. Россия не оставляет тех вопросов, о которых мы говорим, но они не являются телегой впереди лошади, как у Вас в этом отношении.

И последнее. Вы сегодня в ЕС, в НАТО. Россия абсолютно активно вливается в евросоюзовскую тематику, тем более в вопросах безопасности, Россия сегодня в 20-ки НАТО, поэтому о каком враге Вы говорите. Вы снимите эту тему с повестки дня и не вкладывайте в голову молодых людей то, что на Востоке враги. Вы бойтесь того, чтобы иранский народ не поставил Вас в ранг своих врагов. Вот это надо сегодня Латвии бояться, об этом надо сегодня говорить. Спасибо».

Абрам Клецкин:

«Спасибо, Виктор Иванович. Но, по-моему, мы не слышали сегодня таких разговоров со стороны латвийских участников».

Игорь Юргенс, председатель Совета директоров, банк «Ренессанс капитал»; председатель Правления, Центр развития информационного общества (РИО-Центр)

«Мой друг Абрам Клецкин не однократно мне говорил, что все наши проблемы происходят из-за того, что мы не похоронили Советский Союз, не попрощались, как положено. Я с этим согласен и не согласен. Я согласен, что, да, действительно как тело В.И. Ленина, он ещё зримо присутствует среди нас и было бы лучше, чтобы та страница была полностью перевернута. Но Яне могу с этим согласиться с той точки зрения, что Советский Союз тогда возник не на ровном месте. Советский Союз, как минимум, как для латышей, так и для русских распадается на две части. Первая – мы не рабы, рабы не мы, и люди восстали против того, против чего считали справедливым восстать – тюрьма народов, падшие империи, проигравший и прогневивший царский двор и т.д. После этого довольно демократические вот эти «рабы не мы», пришедшие к власти вместе – и латышские стрелки, и Ленин, и Троцкий, попытались сделать новое демократическое государство, которое существовало не долго в силу определенных причин. Потом был тяжелый период, потом была тяжелая победа, славная для нас, не совсем, видимо, так оцениваемая здесь и понятно почему.

Что мы чувствуем сейчас? Мы, современные россияне, что мы чувствуем по отношению такой страны, как Латвия? Чувствуем ли мы и понимаем, что виноваты? Есть демократические партии, которые в лице своих членов выступали с этих трибун – Арбатов, Хакамада, говорили, да, мы виноваты, это была оккупация. Основная часть политического класса присоединится к этому мнению? Она этого сделать не может в силу причин, которые нам рассказали сегодня. Тут же за признанием такого факта последуют встречные иски на многие млрд. долларов, разбираться будем очень долго. Внутри себя, в принципе, многие люди, которые интересуются историей, считают по-разному. Рассекреченные сейчас документы службой внешней разведки, недавно вышедшие в свет, показывают, что у них советских людей, которые стояли во главе соответствующих ведомств – оборонных, разведывательных и др., перед угрозой немецко-фашистской оккупации были основания в рамках реальной политики той эпохи, принять то решение, которое они приняли. Сейчас, когда

рассекречены источники шведской, английской разведки, мы знаем, что и шведы и англичане, и американцы той эпохи, говорили, что правильно, надо Сталину разрешить, пускай он отодвинет свои границы, что нам всем сделает борьбу с фашизмом легче. Вот так тогда это все расценивалось. И это тоже своя правда. И у Латвии есть, безусловно, своя правда депортации. Это очень сложные, прошедшие через каждую судьбу вопросы, которые мы понимаем, но юридического признания оккупации в обозримом будущем не будет из-за того, что мы просто боимся встречных исков. Если вы нам сегодня скажите, что никогда в жизни с территории ЛР не будет встречных исков, как только мы признаем оккупацию, давайте тогда обсуждать вопрос.

Конечно, Вы хотели бы видеть демократического соседа и тогда этот огромный сосед с 1/7 частью суши, которая над Вами нависает, был бы более легким для Вас и, наверное, более приятным соседом и партнером. Мы боремся за это. Один из потенциальных кандидатов в президенты РФ Медведев в Давосе сказал, что не существует никакой суверенной демократии, мы будем пытаться и бороться за полнокровную демократию на территории РФ. Это очень трудный процесс. Исторически, геополитически, с точки зрения бедности населения, с точки зрения социальных мандатов, это очень сложный процесс. Антиолигархическая борьба, это скорее ввод приоритета, а не борьбы за демократию, но молодое поколение – здоровые русские, которые населяют нашу страну, борются за эту демократическую альтернативу с тем, чтобы в будущем Вам жить с более предсказуемым, более культурным соседом.

Извинения – последуют они или нет? Если наши отношения станут нормальными, цивилизованными, какими, я абсолютно уверен, они станут, и борюсь за это вместе со своим другом Янисом Урбановичем последние 10 лет. После того, как мы подпишем договор, я не вижу никаких причин тому, чтобы президенту вновь уже на базе нашего официального извинения за пакт Молотова-Риббентропа и его отвержение, прозвучавшего и находящегося во всех наших юридических документах, не сказать те же самые слова в отношении наших балтийских друзей.

Предпоследнее. Я сам из бизнеса, уже 15 лет. Если бизнесменам нужна сделка, реально нужна, они, конечно, никаким образом не могут обойтись без юристов и историков, процесс, если хотите, какими в этом случае выступают инвесторы. Безусловно, этим людям дается очень жесткое указание изучить все аспекты сделки. Но две стороны, которые в эту сделку вступают, если они реально ее хотят, у них даже есть такой термин «не переюридировать» ту сделку, которую мы хотим. Так вот, если Россия и Латвия хотят сделать сделку добрососедства, сейчас к этому почти уже все готово, а дальше фантомные боли и реальные боли, мы с этим разберемся.

И последнее, что я хотел сказать. Россия, безусловно, по-прежнему иногда страдает манией величия. Вы по-прежнему иногда страдаете манией преследования. Две мании, очень тяжелые, которые превращаются иногда в шизофрению, но это лечится. Я абсолютно точно знаю, что лечится, разговаривал с профессионалами-медиками. Спасибо».

Леонид Григорьев:

«Я хотел бы сказать про статистику. Есть действительно опрос Левада центра от 20 февраля, который очень подозрительно подан. Я не знаю зачем они это делали, потому что мы не поленились поднять их же работы за последние годы, вне политического контекста ситуация примерно следующая – 70%

населения выступают за хороший контакт с ЕС, 15-17% - сомневается. Т.е. проблем с социологией нет, если опрос проводится в спокойной обстановке.

Александр Чубарьян:

«Опросы вещь довольно приблизительная. Во-первых, сама корректность, как сформулировать вопрос, заданность цели. У нас очень много опросов, но надо к ним относиться не то, что скептически, но с пониманием этого дела.

Я никогда не забуду, когда ещё начинались эти социологические опросы ещё в советское время и тогда приезжал президент Галопа, с которого мы все эти опросы взяли. Он нам говорил, что это сложная ситуация, вот если Вы приходите к зеленщику, который продает овощи и спрашиваете, как он относится к президенту, если с утра ему не привезли овощи, то он скажет, что плохо относится, а если у него с утра было все нормально, то и отношение будет положительным.

Но что реально и что есть сейчас, в этом смысле я бы не согласился с моим коллегой господином Григорьевым. В России увеличивается ощущение и ли достоинство, но население поддерживает в своем подавляющем большинстве идею, что России возвращается на мировое поле, как равноправный игрок. Я знаю, во всем мире были большие дискуссии, обсуждали речь нашего президента в Мюнхене, но я должен сказать, среди подавляющего большинства населения сама идея, что Россия обретает второе дыхание, довольно популярна и очень поддерживается населением. Это не значит, что она выливается в форму некоего возвращения к каким-то теперешним амбициям, но мы слишком долго находились в состоянии, когда нас не брали в расчет. Поэтому, я думаю, что это существует, с этим надо считаться.

Я согласен с господином Юргенсом, что это не должно пугать наших соседей и пугать тех, с кем у нас нормальные отношения, потому что это нормальная самоидентификация народа, которая происходит и в других странах. Поэтому это не угроза кому-либо, а это совершенно реальный отклик населения и общественности на внутреннюю ситуацию, прежде всего в самой России, и на ее отношение не с Балтийскими странами, а ее, прежде всего, отношениям с США. И, кстати, должен сказать, может просто для информации, в этом году будет 200 лет отношениям США и России, будет большая конференция в ноябре, американцы все прекрасно понимают и диалог с ними будет очевидный и конструктивный.

Оярс Скудра, Латвийский Университет, доцент

«Я сегодня не готовил какую-то специальную речь, поэтому сделаю несколько дополнений к услышанному.

Что касается наследия СССР. Мне кажется, что в Латвии с наследием СССР все в порядке. Одно из важных значений, это то, что мы независимое государство и мы вступили в ЕС и НАТО. В связи с этим для нас этой проблемы в этом смысле не существует. Все остальное решается в наших двухсторонних отношениях с Россией и если желание будет, то эти проблемы мы решим.

Вторая проблема связана с темой, которую я называю европеизацией. Латвийское общество европеизировано не равномерно. Больше европеизирована латышская часть общества. Что касается русскоязычной части общества, то тут наблюдаются две тенденции. Первая тенденция, которую представляет, позволю себе сказать, Центр Согласия, они стремятся к

вступлению в мультикультурное общество, стремятся двигаться в направлении европеизации латвийского общества. Вторая тенденция, которую представляет совершенно другая политическая организация, которая, скорее всего, думает о сохранении двухобщинного государства или о создании такого. Думаю, что это чувствительный вопрос, к которому надо относиться соответственно и политикам и историкам и журналистам и всем остальным в публичных дискуссиях.

Отношения ЕС и России, на мой взгляд, тоже являются очень важным вопросом для латвийской внешней и внутренней политики. Я скажу так, чтобы убедить латвийское публичное мнение и общество в хороших намерениях России и в готовности бороться за полноценную демократию, очень много может сделать российский частный бизнес, создавая свои отношения с ЕС в экономической сфере. И я думаю, что успешное сотрудничество российского бизнеса с Европой, поощрение процесса модернизации в России позволит российскому бизнесу более эффективно влиять на те политические процессы в публичном мнении, которые происходят в Латвии.

Следующий тезис о диалоге элит. Скажу, что то, что наблюдается здесь, оценивается больше как поиск индикации в диалоге элит и очень приветствуется, что это происходит. Было бы желательным, чтобы и культурная и научная элита вступила в этот диалог, особенно, если ей дадут слово в СМИ и ее мнение станет публичным. Эти люди, конечно, будут говорить немного политизировано, больше, что касается ориентации ценностей и, мне кажется, что это будет только приветствоваться. Важно, чтобы этот публичный разговор был не только в Латвии, но и в России.

Что касается вопроса о России как империи СССР. Мне кажется, что эта тема способна к жизни и она будет жива во всяких научных дискуссиях. Я сам держал в руках книгу, изданную издательством российской православной церкви, о России и ее колониях. Очевидно, это волнует не только российскую православную церковь, но и более широкие ряды российского общества. Но это тема, по-моему, важна по одной причине, это вопрос о болезненной теме про оккупацию. Возможно, я сейчас выскажусь немного цинично, но я скажу так, если мы вместо оккупации будем говорить о постимпериализме, империализме и постколониализме, возможно это приведёт к лучшему.

Что касается ответственности историков, по-моему, она очень большая и значительная. Единственное, что можно желать от историков, это по возможности меньше показывать идеологически используемую концепцию в своих публикациях, которые посвящены российско-латвийским отношениям.

Скажу несколько острых слов относительно латышских и русских СМИ в Латвии. Я согласен с российскими авторами, упомяну только одного, это Егор Гайдар, он в своей книге говорит о России, что это мягкий авторитаризм и призывает не повторять в России ошибки СССР. Что касается авторитаризма и энергоресурсов в большом государстве, мне кажется, что это такой своеобразный коктейль, который выпьет следующий президент России и его ум и настроение, возможно, будут переполнены энергией. Принимая такой коктейль, надо думать о последствиях. Каким образом это относится к латышской и русской прессе? Скажу так, что по существу, если говорить о русскоязычной общине, по крайней мере о какой-то ее части, можно говорить как о чем-то очень похожем на PSKP, который используют в политических целях. Очень приветствуется эта тенденция о мультикультурном обществе. Я

надеюсь, что мы не вернемся к этому прошлому, связанного с русской и латышской прессой в вопросах о том, являемся ли мы двухобщинным или однообщинным обществом. Спасибо».

Виктор Макаров, директор исследовательский программ Балтийского форума «Я хотел бы обратиться к нашим уважаемым российским гостям. Может быть сначала, что я скажу, покажется провокационным, но я намериваюсь закончить какими-то положительными предложениями.

Во-первых, относительно честного отношения к истории, о котором мы здесь сегодня говорим, в частности Нил Муйжниекс. Я думаю, как политолог, что честное отношение к истории – это было бы, конечно, замечательно, но это не возможно. Дело не только в том, что факты понимаются по-разному. Прежде всего, факты интерпретируются по-разному, они интерпретируются живыми людьми в соответствии с той или иной идеологией. Я думаю, что история остается служанкой идеологии. Идеология поменялась, но само соотношение осталось.

Тут я хотел бы сослаться на пророческие слова Алексея Салмина, который был у нас в Риге на конференции пару лет назад. Он сказал, что сейчас основной вызов для России это создание нового национального самосознания. Я думаю, что именно этим объясняются те исторические споры, которые возникают регулярно между Латвией и Россией.

Во многом Латвия и Россия – братья-близнецы. И Латвия, и Россия, как общество сейчас испытывают потребность в создании национальной идеологии, без которой никуда не деться в 21 веке. И во многом друг другу помогают. Вот в этой сфере, может бизнесменам не нравится, как у нас идут дела в отношениях, но что касается построения некой концепции построения национальной идеологии, тут Латвия помогает России найти какие-то опорные пункты, выступая в роли такого исторического ну не антипода и не врага, слово враг здесь было бы не правильным, но по крайней мере есть на что сослаться. Естественно, для Латвии и России это именно Россия и советский Союз, это то, на что мы опираемся, чтобы показать, в чем наша правда. Т.е. в принципе, я думаю, происходит достаточно банальный, с точки зрения политологии, процесс построения национальной идентичности, это все происходит по стандартным чертежам и из подручного материала.

Чтобы говорить о развитом национальном сознании, нужно иметь флаг, нужно иметь определенные исторические даты со знаком «+», исторические даты со знаком «-», нужно иметь определенные символы и т.д. В общем, это происходит в обеих странах. Поэтому, я не думаю, что фантомные боли, о которых говорили, могут взять и излечиться. Скорее можно говорить о том, что можно купировать симптомы. Я думаю, что как бы не безразлична была Латвия большинству жителей России, по крайней мере, по отношению к своей собственной родине, россияне чувствуют очень много, они, может, не называют это как номер один в вопросах, но, тем не менее, совершенно естественно, что люди хотят видеть свою страну сильной, достойной, уважаемой. Люди пытаются во всей своей истории найти те события и ценности, которые позволяют им себя с этой страной идентифицировать.

Проблема в том, что для Латвии сейчас то, что мы слышим из России достаточно проблематично. Я хотел бы сказать, что мы из России слышим очень много. Есть третий компонент в латвийском едином пространстве, это

российские СМИ, не СМИ на русском языке в Латвии, которые, по-моему, часто следуют линии из Москвы, но есть определенное очень сильное влияние из российских СМИ и там достаточно все очень сложно и это действует не очень хорошо на Латвию. Мы постоянно слышим слово «возращение фашизма» и т.д., я бы сейчас не хотел опускаться в эти дебаты, но с точки зрения латвийского наблюдателя, это достаточно обидно и ничего хорошего не приносит. Я согласен, что латвийские СМИ не берут на себя достаточную ответственность, чтобы снимать проблемные и острые вопросы, но и российские СМИ, к сожалению, создают очень много дополнительных проблем.

Видите ли, у нас с интеграцией проблемы не только в том, что есть большое количество людей без гражданства, но и в том, что эти разные понимания истории, в принципе, позволяют сохранять напряжение между двумя лингвистическими общинами. В этом проблема.

Что можно здесь предложить? Я не верю, что благодаря комиссии историков можно прийти к какому-то общему пониманию истории. Если будет комиссия – замечательно, чем больше люди будут общаться, тем лучше. Но практическое соображение у меня такое. Если бы можно было договориться, я бы сказал так, если бы с российской стороны не ставили под сомнение 18-й год, 40-й год, основную суть интерпретации, это ключевые моменты для Латвии, для латвийской истории, и здесь попытки сказать, что там было что-то не так, ни к чему хорошему нас не приведут. Я думаю, что в Латвии нужно было бы прекратить не аккуратное и невежественное отношение к 1945 году, которое, как я понимаю, для России становится фокальным моментом, на котором строят своё современное национальное самосознание России. Договорившись о том, что мы не будем друг друга щекотать по этим пунктам, мы бы, по крайней мере, сняли бы какую-то остроту и развивали бы свои национальные самосознания в позитивном русле».

Абрам Клецкин:

«Скажу только одно, что надо тоже быть поосторожней. Нельзя говорить, что вся русскоязычная пресса в Латвии действует в формате Москвы. Это абсолютная неточность и несправедливость».

Юрис Розенвалдс, Латвийский Университет, профессор

«Я, во-первых, хотел бы поблагодарить «Балтийский форум» за то, что имею возможность выступить на этой конференции. Во-вторых, извиниться за то, что в силу своих профессиональных обязанностей, я тоже рассказывал студентам об истории, правда гораздо более невинной, о ленинизме и раннем христианстве, поэтому я пришел не к шапочному разбору, а когда уже что-то произошло, поэтому я могу высказать какие-то свои реакции на то, что я слышал.

Я бы хотел начать с философского рассуждения, сослаться на знаменитого рижанина, который родился здесь в Риге. Я имею в виду Исайя Берлина, который в одной из своих работ, говорил о ситуации, которая часто случается в политике, истории, о ситуации двух правд. Он, правда, говорил не о Латвии и России, а говорил о евреях и арабах по поводу Палестины. Он говорил: «Кто прав?». Они могут спорить до посинения, кто из них прав. Т.е. для Берлина это вопрос компромиссов, вопрос нахождения какого-то решения, которое полностью никого не удовлетворяет, но как-то позволяет жить рядом.

Я хотел бы сказать, что здесь очень важно иметь в виду, что нахождение этого компромисса имеет ряд аспектов. Очень важно, с одной стороны, их различать и не смешивать, а, с другой стороны, очень опасно забывать об этих аспектах. Наверное, действительно, историки Латвии и России могут спорить долгие годы о том, как это было, о нюансах, это процесс академического общения. Есть политический, экономический и моральный аспект. Так вот для меня очень важно, чтобы эти аспекты, с одной стороны, различались, а, с другой, и не забывался ни один из этих аспектов.

Так получилось, что те выступающие, которых я слышал, они так или иначе ссылались на господина Григорьева, я тоже в этом плане позволю себе высказаться по поводу одного замечания, когда господин Григорьев говорил о том, что он считает аморальным, что гражданство не просто дают, а его надо как-то получать. И он прав. Но я хочу сказать, если мы говорим о проблемах гражданства в Латвии, мы не должны пытаться встать на крайние позиции, говорить - или давайте нулевой вариант, или как у нас – бьют кулаком в грудь и говорят о юридической последовательности, что корпус граждан как был на 17 июня 1940 года, все, точка, никого больше. Мы должны задавать не вопрос – стоит ли идти на эти крайности, а задать вопрос – почему, в силу каких условий осенью 1991 года произошел полный откат, вопрос о той компромиссной позиции, которая была во времена революции, которая, кстати, позволила бы решить многие наши проблемы, когда был ценз оседлости, который подразумевал, что люди должны были прожить какое-то время, который, как мне кажется, удовлетворял общество. Но к этому шли.

И вот мы можем задать вопрос об истории, но второй вопрос – что делать сегодня? У истории есть одно свойство, она не обратима. И сейчас, кстати, в Латвии возвратиться ситуация 1991 года, скажут: а давайте, ребята, переиграем. Это то же самое, как многие наши радикалы говорят: «Вот как мы обрежем эту ленту с 17 июня 1940 года до 1991 года, склеим и дальше будем крутить, как ничего и не было». Т.е. мне кажется, это проявляется и во многих публикациях в прессе, вот мы обижены, да, обижены, но это моральный аспект проблемы. А политический аспект проблемы заключается в том, что, наверно, этих людей надо мотивировать, чтобы они шли и получали гражданство и, в таком случае, они будут иметь возможность что-то изменить.

И вот здесь появляется возможность манипулирования, о которой говорил господин Скудра. Я бы хотел сказать, что касается СМИ, главная проблема не только в том, кто кем манипулирует или на кого ориентируются, но есть другая проблема. Мои коллеги по факультету социальных наук провели исследование о латышских и русских СМИ. Оказалось, что русские и латышские СМИ об одном и том же культурном поле пишут совершенно разные вещи, как будто находятся в разных странах.

Последняя мысль, которую я хотел бы сформулировать. Я прекрасно понимаю пафос наших российских коллег по поводу ветеранов Великой отечественной войны. Но и абсолютно черно-белое отношение к тем же легионерам, оно на столько же не верно, потому что эта ситуация не на столь проста. И когда мы говорим об этой сложности, вот это проблема нашей общей истории – осознать историю Второй мировой войны на этом пространстве. Это проблема реальная, о которой надо говорить.

И закончить я бы хотел, сославшись на одного из наших исследований о политическом дискурсе в Латвии. Конечно, в сейме очень распространен дискурс неприятия оппонента. Но мне очень понравилось, когда один из

«главных героев» сейма, Юрис Добелис, пришел на наше обсуждение и в конце сказал одну очень интересную мысль: «Люди не черные, не белые, они пятнистые». И вот эту пятнистость надо обязательно учитывать, она относится и к истории. Я полагаю, осознание этой пятнистости – это одно из главных предпосылок найти какой-то модус».

Владимир Фейгин, главный директор, Институт энергетики и финансов
«Дискуссия очень интересная, но она, на самом деле, как мне кажется, происходит вокруг нескольких абсолютно неразрешимых вещей, типа единого понимания прошлого. А где это понимание существует, в какой стране? Но, несомненно, надо разговаривать, надо обсуждать. Но если ставить во главе угла сложные решения, типа давайте сначала придем к общему пониманию, то это неразрешимая вещь. Как сказал господин Григорьев, как все просто было решено в 1991 году. К сожалению, во многом простые решения оказываются трудными. Но как трудно принять трудные решения.

Давайте посмотрим простым образом. У нас очень сложная история, причем история Латвии, в правовом плане было решено, что она была с 1920 по 1940 год. А что, Латвия до этого не существовала? Россия не существовала до этого? Мы связаны многовековой историей. В широком смысле мы ответственны за тех, кого приручили. В этом смысле, мы ответственны за очень сложную историю. Латвия решила сделать такое отсечение и сказала, что нам интересна история с 1920 по 1940 год. Но это выбор Латвии, нынешнего поколения латвийских политиков, юристов и т.д. Нужно его уважать. Но при этом, как мы видим, они встретили огромные проблемы, но это проблемы этого выбора, надо из него выйти. Помочь со стороны, как мне кажется, не возможно. Даже люди, смотрящие с интересом со стороны России, в этом деле абсолютные профаны.

Но давайте посмотрим еще с другой стороны. Новое поколение. Я тоже в какой-то мере отношусь к новому поколению, к послевоенному поколению, но я себя не чувствую ответственным за то, что было тогда. Если мы скажем, что я, гражданин России, я ответственен за то, что было в 1940 году, а Вы, нынешнее поколение Латвии ответственные за какие-то другие действия, мне кажется, это путь в средневековье, это путь к тому, что картина мира вообще ни к чему не ведет.

Как решил этот вопрос ЕС? Ведь Вы же член ЕС, разве там было более простая история, разве она более простая в 40-е годы? Мудрость оказалась в том, что надо, наконец, прервать эту цепь, договорившись о некоторых принципах. И Германия пошла на очень серьезные вещи. Если мы, общаясь, работая, будем воспринимать это кровным образом, это опять чудовищный мир. Мы должны общаться, как люди современного мира, которые связанные некоторыми вещами. Какими вещами, об этом надо договориться. Надо идти дальше на основе того, что есть сегодня. А сегодня у нас есть новое поколение, новые страны. По-моему, в России никто не ставит вопрос об имперском синдроме. Ну давайте, изучайте Россию, как имперский синдром, ну изучили и что дальше? Это абсолютно не адекватно, поскольку Латвия член ЕС и НАТО. Масса вещей, в которых невозможно достичь консенсуса, могут быть предметом национального дискурса, но не должны становиться предметом этих попыток, обязательным условием нахождения чего-то вместе. Должны быть какие-то крупные вещи, которые и ведут в будущее. Вещи, которые стоят на дороге, должны решаться. Есть соглашение 1920 года, есть конституция страны, но это вещи, подлежащие изменению, анализу и всему прочему.

Почему какие-то слова, находящиеся в этих документах, они решающие. Не в коем случае.

И последнее замечание к вопросу об ответственности. Я бы предложил такую формулировку. Конечно, мы все ответственные за будущее, все, кто находятся на постсоветском пространстве, ответственные за будущее. В наших долях, не знаю, может в тех долях, о которых говорилось в 1991 году. Давайте попробуем строить это будущее, не ставя перед этим невозможных задач. Спасибо».

Элла Таранова, заместитель директора главной дирекции стран СНГ и Балтии, РИА «Новости»

«У меня не большая реплика. Смотрю, никто не хочет брать ответственность за прошлое. Я готова взять в части негативного наследия в области информации, но не советского прошлого, а достаточно недавнего периода времени, негативного опыта взаимной информации, который был в СМИ, как латвийских, так и российский. Могу сказать, что у нас в РИА Новости есть большая группа мониторинга, которая отслеживает и в конце недели на стол к нам попадает картина по каждой стране постсоветского пространства, как оценивается образ России в глазах СМИ той или иной страны. До очень недавнего времени красной полосой это всегда показывалось. % негативных материалов в странах Балтии мало, чем отличался в латвийских и эстонских СМИ. За последнее время это красная черта уровня негативных материалов стала заметно падать. Научных объяснений может быть, по меньшей мере, три. Одно из них, что тот подогреваемый российской стороной и СМИ градус взаимных претензий тоже ослабевает. Поскольку СМИ все же являются неким отражением политических взглядов, то, я думаю, и взгляды политических элит и в России и в Латвии несколько изменяются.

Что касается ответственности остальных групп, то здесь мне вспомнилась строчка – времена не выбирают, в них живут и умирают. Но вряд ли россияне, которые унаследовали свою часть советского прошлого, имели ту государственную собственность и поделили ее, которая осталась как экономическое наследие. То же самое можно сказать и о латвийском обществе, что обычные латыши вряд ли имели отношение к той государственной собственности, которая осталась на территории Латвии.

Значит, что еще, как наследие. Тот негатив, который имел место быть в прессе, это тоже создается больше как отражение политики. На уровне общественного сознания, я думаю, что в российском обществе и латвийскому обывателю и не очень, может, будет интересно ожидать покаяние от обычного россиянина. Что важнее? Важнее, чтобы и в том и другом общественном сознании были бы преодолены некие стереотипы, которые продолжают существовать. Не секрет, что в массовом сознании российского общества существует такой стереотип, что мы когда-то кормили, помогали этому народу, а теперь они ушли от нас без всякой благодарности в Европу. Уйти от этих стереотипов, я думаю, во многом и задача прессы, помочь обществу и той и другой страны отрешиться от старых представлений. «Балтийский форум», по-моему, делает одно очень полезное дело. Нам не хватает таких площадок для разговора. Если у России хороший опыт общения со странами постсоветского пространства, то он, во всяком случае, для журналистов более сложный для разговоров Россия-Европа. Я думаю, что Латвия могла бы быть связующим звеном, в котором мы могли бы разговаривать с Европой через Балтию и в том числе через «Балтийский форум»».

Александр Чубарьян:

«Здесь уже много говорили об истории. Я хочу сказать, что это вообще сложные материи. Консенсус очень сложен и в учебниках и в истории. Как-то один английский историк 20 века сказал, что истории столько, сколько историков, потому что все факты пропускаются через голову конкретного лица. У нас была когда-то идея создать учебник абсолютно деидеологизированный по истории России, но это совершенная утопия, потому что есть автор с его левыми и правыми пристрастиями, есть учитель, который преподает, есть семья, родители, есть дети. Это надо понимать и из этого исходить, что это сложная вещь, особенно в новом плюралистическом обществе.

Мне как-то на одном приеме один из руководителей компартии нашей страны сказал, что, мол, когда это закончится, что вы пишете такие не честные учебники. Я ему ответил, что честность это тоже категория историческая, то, что Вам кажется честным, другому как раз кажется, что это нечестностью и наоборот. Поэтому терпимость, это очень важная и главная черта для наших дискуссий, но и для взаимоотношений между людьми и странами.

Здесь говорили по поводу двух правд. А что в нашей собственной истории? У нас была гражданская война и у нас была вообще правда одна – все, кто были на лево, все были правыми, а кто был чуть-чуть на другой стороне, были антиобщественными силами. И мы только сейчас пришли к тому, что была своя правда и у тех и у других. Я думаю, что это надо распространять в более широком плане.

То, что нужна терпимость к историческому прошлому, я скажу откровенно, и в Латвии, это совершенно очевидный факт. Я встретился первый раз с госпожой Меркель, был переводчик, но она стала говорить на русском, сказала, что не забывает, что училась в Восточной Германии, училась в школе, где преподавали русский язык. И я должен сказать, что это такой нормальный терпимый подход.

Здесь сказали, что в ЕС достигнута определенная степень доверия. А с чего началось? Началось с примирения двух таких антагонистов мировой истории, Франции и Германии, это ключ к созданию ЕС, без этого не было бы европейской интеграции, не было бы ЕС, ничего бы не было. Они перешагнули. Понимаете, надо в какой-то момент политикам уметь переступить через какие-то вещи, которые всех разделяют.

Теперь насчет России. Ситуация в России очень не простая. Господин Макаров говорил, что надо договориться. Ну, как можно договориться в плюралистическом обществе? Если у нас есть свобода прессы, то не может между собой и пресса и телевидение, это может быть в тоталитарном государстве, что появился новый центральный комитет, который предпишет всем СМИ писать так или так. У нас есть жесткие политические программы в национальном духе, есть либеральные программы. Это совершенно нормальные вещи, нужные вещи. Нужны какие-то правила игры, это я согласен, нужна какая-то степень консенсуса и понимания. Скажем, я всегда говорю, что в монографии можете писать, что хотите, но для учебников нужен определенный консенсус. Поскольку это дети, воспитательную функцию нужно учитывать.

У нас в России тоже занимаются поисками новой идентичности. Но она у нас была же. У нас сейчас возникают вопросы, которые были 150 лет назад: что такое Россия, она часть Европы или Антиевропы? И в этом смысле, если

говорить о Латвии, Вы должны понимать, что если жесткое отношение к России, если жесткие, не принимающие ничего в расчет оценки, то они стимулируют у нас националистические тенденции, т.е. если Вы хотите, чтобы у нас шло демократическое развитие, то не стимулируйте иных направлений, а они, как Вы знаете, подогреваются именно такими вещами.

И, наконец, я хотел сказать о сложной проблеме легионеров. Вообще это тоже общая проблема. У нас в комиссии с Украиной мы говорим, что такое украинское национальное движение в ходе войны. Мы пытаемся с ними разговаривать на эту тему, вести диалог, новые документы, новые факты. Но дело в том, как в России воспринимается проблема легионеров. Не сам факт, если бы было сказано, что мы сейчас по-новому подходим к легионерам, но у нас в общественности существует такое восприятие, что легионеры теперь наверху, а ветераны в низу. Если бы этого не было, если бы было осуждение фашизма, это по-другому бы воспринимали. Т.е. не надо заменять одно другим. Мы сейчас знаем, что украинское движение было сложным явлением во время войны, как теперь видно в документах, в какой-то момент наши Берия и КГБ поддерживали это движение в том плане, когда они вели антигерманскую позицию. Поэтому здесь надо взвешивать самые разные вещи.

И в заключение хотел бы сказать, что очень рад, что «Балтийский форум» ставит такие острые вопросы, касающиеся в частности Латвии, страны, которая в этом регионе всегда играла одну из главных ролей. Здесь есть своя доля ответственности. И я бы присоединился к тому, что у нас есть ответственность за будущее. Есть такой библейский лозунг – не навреди. Мы должны думать об этом.

Должен сказать, что мы написали учебник, который выйдет через месяц. Теперь будет такой предмет, как религия мира – история культуры вероучений. Это, мы считаем, существенный шаг к тому, чтобы прививать нашим детям веротерпимость, отношение к другому цвету кожи и т.д. Я сказал об этом потому, что после долгих соглашений, мы получили одобрение от Патриархии на этот учебник, они прислали свою рецензию. У Вас нет такой межконфессиональной проблемы, но в России есть и эта сторона дела.

Еще раз спасибо, что мы здесь. И то, что я слышал сегодня здесь, думаю, «Балтийский форум» может не ограничиваться таким общим заседанием, могут быть рабочие группы, аналитические обзоры. Спасибо».

Залман Кац, член правления Балтийского форума

«Я не сделаю никакого общего открытия для коллег, но хочу обратить наше общее внимание на то, что между консенсусом и компромиссом, конечно, большая разница, но не пропасть. И вот это мы доказали друг другу, скажем, не сегодняшним выступлением профессора Розенвалда, а тем, что он озвучил в одной из моих книг, изданной «Балтийским форумом». Он сказал, что нам не нужно извинений, покаяния от России, нам было бы достаточно, если бы было признано, что в 1940 году с нами произошло нечто не совсем правильное, если бы Путин сказал нечто подобное, что он сказал по поводу венгерских событий 1956 года в Будапеште и чешских событий 1968 года в Праге.

Примерно то же самое нам сказал сегодня господин Юргенс. Разница в чем? В России, скажем, это не предмет национальной дискуссии, как говорят ведущие российские политологи. У нас это очень острая тема. Но, с другой стороны, события в Венгрии и Чехии тоже отнюдь не предмет национальной дискуссии в России. Значит, в сущности, проблема заключается не столько в исторических

раскопках, сколько в формировании некой однородной шкалы современных ценностей. Если мы это понимаем, то тогда возможны пути. Например, что нам Юргенс предлагал, чтобы политический класс отказался от каких-либо притязаний территориального и материального характера. Да, это действительно нормальное условие.

В год 65-летия пакта Молотова-Риббентропа у нас был «Балтийский форум» в Москве, я там проводил опрос московских экспертов по этому поводу, я не встречал позицию, которая обуславливала, что ничего в 1940 году ненормального не произошло, речь шла о том, как Вы ведете себя сейчас, как Вы предали нас, российскую интеллигенцию, в 1991 году, как Вы боролись за Вашу и нашу свободу и т.д. Я говорю это к тому, что политическая практика показывает, что поиски компромиссов вполне возможны и нам «Балтийскому форуму» принадлежит в этом не последняя роль. Спасибо».

Александр Чубарьян:

«Вы сказали про 1990 год. Я не был в это время в Риге, но я был с нашим архитектором перестройки Яковлевым в Вильнюсе и Талине. В связи с этим хочу сказать, что в 19 веке был очень крупный итальянский политолог, историк Джузеппе Мадзини, который сказал, что самое страшное для революции, это утро ее победы. Мы видели 10-ки тысяч людей на улице в эйфории, которые хотели только одного на следующее утро победы. Это общее дело для всех, у всех сначала одна цель, одна идея, а потом уже начинается свой собственный интерес. То же самое было и в России. Поэтому, я вообще-то не склонен драматизировать, но нужно иметь в виду и это обстоятельство».

Абрам Клецкин:

«Пора подводить итоги нашей дискуссии. Я не хочу и не могу давать каких-то оценок, хочу только сказать, что мы находимся в процессе, мы движемся. А тот, кто следит за «Балтийским форумом» в течение 10-и лет, видит, как меняется сама атмосфера разговора, что мы не говорим вместо друг друга, а говорим вместе друг с другом и смотрим в глаза друг другу. И мне кажется, самое важное поддерживать этот процесс. Не надо преувеличивать значение таких разговоров, но не надо и приуменьшать. И при этом не столько важны конкретные выводы, сколько тот уровень доверия, который возникает в таком разговоре. Чтобы мы не вернулись к той ситуации, которую описал любимый всеми Пушкин.

Глухой глухого звал к суду судьи глухого,
Глухой кричал: «Моя им сведена корова!» -
«Помилуй,- возопил глухой тому в ответ, -
Сей пустошью владел еще покойный дед».
Судья решил: «Чтоб не было разврата,
Жените молодца, хоть девка виновата».

Вот чтобы этой ситуации больше никогда не было в отношениях наших стран, в отношении наших народов».

Янис Урбанович, президент Балтийского форума

«Я хочу всех поблагодарить, кто принимал участие в дискуссии. Огромное спасибо за выдержку всем тем, кто слушал, особенно тех экспертов, которые находятся по правую руку от меня, поскольку им желать главные выводы и это лучший результат, если они сделают правильные выводы той нашей работы, которую мы сделали.

Хочу сказать только две вещи, о которых мы говорили, но они не акцентировались.

Во-первых, проблемы есть между государствами, между Латвией и Россией, но есть и проблемы между обществами. Это очень важно и эта проблема куда больше, потому что государства поссорятся, поссорятся, подпишут какой-нибудь важный документ и так можно бесконечно долго. Однако в обществе эти процессы, если им не придавать должного внимания и не начать лечить, они могут развиваться очень пагубно. И, с другой стороны, если сегодня какие-то такие процессы приносят какую-то политическую и экономическую выгоду, если их стимулируют, то они тоже превращаются в нехорошие вещи.

Мы сегодня говорим о ретроспективе, о прошлом наследия СССР. К сожалению, проблема заключается ещё и в том, что на иррациональном подсознательном и сознательном уровне достаточно широко эксплуатируется идея некоего воссоздания. Например, воссоздания СССР. Путин – собиратель земель, он сейчас придет и защитит, а ты сиди дома, ничего не делай, другие защитники все твои проблемы решат и гражданство принесут домой, а тебе не надо ничего для этого делать, только выбери главного своего заступника. Ответственность за это, очень согласен с госпожой Тарановой, что влияние несут СМИ, но и общество, прорабы мнения общества, как в Латвии, так и в России несут ответственность за то положение дел, которое сейчас и которое будет в будущем. Мне кажется, что нам придется к этому разговору вернуться через какое-то время. Если не кодекс поведения в этом отношении, а его мнение, хочет он этого или не хочет, но влияет на достаточно широкие настроения, в том числе и на власть, надо будет выработать нам вместе. Это сложная работа, давать задания себе, нежели рекомендации другим.

Мы говорили про карман, в цифрах считали экономику, но наследие СССР еще имеет и многие другие нерешенные вопросы. Например, железная дорога, воздух, чистота и многое другое, которые сегодня, с одной стороны, вызывают обиду у нас, что все координируется в Москве. Но мы общались со специалистами, которые заняты этими проблемами, это их тоже не очень устраивает, они хотели бы, чтобы были некие правила. Которые важны были для всех, а не каждый раз Москва разнимал бы Латвию и Казахстан, я говорю о железной дороге, становясь арбитрами, они постоянно становятся виноватыми, потому что мы знаем, кто нам мешает. Я думаю, что эта дискуссия имеет не только политологическую, но и большую гражданскую ответственность, но и экономическую. Заниматься решением этой ретроспекции, исходя из сегодняшних проблем и прогнозов на будущее не только полезно, но и может оказаться выгодным с точки зрения экономики.

Я еще раз хочу сказать всем спасибо, во-первых. Во-вторых, мы не в коем случае не провели эти два дня, чтобы поставить галочку и сказать, что мы что-то сделали для себя, сейчас будем анализировать. Надеюсь на журналистов, которые слушали и которые дадут отпор тому, кому они не имели возможности дать здесь.

У нас есть разные форматы, но этот формат не предполагает высказывать свое мнение присутствующим в зале, за что я извиняюсь, иначе мы не приблизились к завершению сегодняшнего дня.

Конечно, к обеим этим темам мы будем возвращаться в конце мая. Я всех приглашаю не только принять участие, но и подсказать, чтобы результат нашего разговора был полезен не только тем, кто участвует, но и для тех, кто

интересуется событиями «Балтийского форума». Всем спасибо и до следующих встреч».